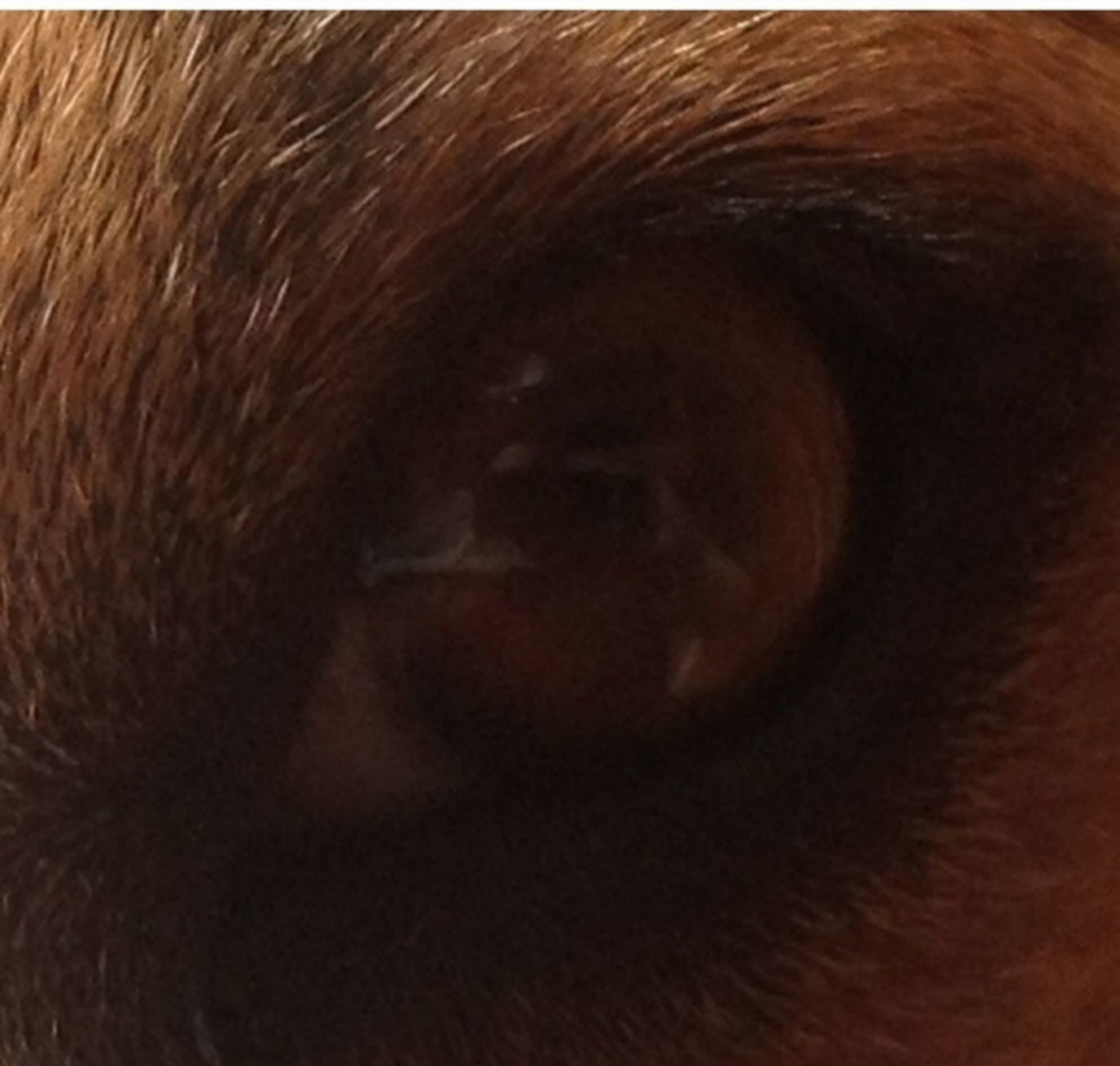

ЭТЬЕН ЭКЗОЛЬТ

Пепел чудес

Этьен Экзольт

Пепел чудес

«Издательские решения»

Экзольт Э.

Пепел чудес / Э. Экзольт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503619-3

Три тысячи лет назад армиолы восстали против Создателя и смогли преодолеть его казавшуюся беспредельной силу. Война с теми, кто сохранил в двойственной плоти своей любовь к Творцу, продолжается и поныне. Созданные армиолами воины стали для них главным оружием, противники их немыслимые творят чудеса. Каждая из сторон все новые ищет способы одолеть врага, и наступает время, которое все они считают обязанным завершить древнюю войну.

ISBN 978-5-00-503619-3

© Экзольт Э.

© Издательские решения

Содержание

ЭТЬЕН ЭКЗОЛЬТ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пепел чудес

Этьен Экзольт

© Этьен Экзольт, 2019

ISBN 978-5-0050-3619-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭТЬЕН ЭКЗОЛЬТ ПЕПЕЛ ЧУДЕС

1.

– Любишь ли ты создателя нашего?

Гинруман улыбнулся наивности того вопроса, перехватил поводья, поднимая правую руку к полуденному небу, отчего блеснули стальные чешуйки на черной перчатке.

– Глуп будет тот, кто откажется от этой любви. – чувствуя волнение зверя под собой, он плотнее прижал к его черным бокам каблуки сапог, не позволяя животному проявить себя.

Крестьянин, мужчина высокий, но горбившийся и слегка клонившийся в правую сторону, довольно ухмыльнулся. Поверх темно— желтых одежд его лоснилась красноватой кожей потертая кираса с глубокими шрамами, оставленными когтями животных или лезвиями врагов. Здесь, в западных лесах, поселенцы, желавшие свободы больше, чем покоя, вынуждены были защищаться от тварей, не имевших описания ни в одном из бестиариев и можно было только догадываться о том, которая из них изувечила несчастного, выступавшего, несмотря на малоподвижность свою, предводителем охранявшего дорогу отряда.

Гинруман был уверен, что они считали себя появившимися неожиданно, но Солнцегон давно уже учуял их, да и сам странник ощутил присутствие существ разумных и полных смущенного страха, так явно отличающего человека от прочих наделенных сознанием созданий. Удивляло его лишь спокойствие людей, к которым он приближался не таясь, отвлекая на себя их внимание и прислушиваясь к своей стае, подбиравшейся к засаде из глубины леса. Примечательный вид его верхового животного не оставлял сомнений в сущности всадника и только стремление жрецов содержать покорных им в предельном одурманенном невежестве могло объяснить бесстрашие их. Солнцегон, принадлежавший к новейшему поколению подобных ему, несколько отличался внешне, имея немного более крупную и вытянутую голову и ставшие короткими в сравнении с предками его лапы. В некоторых книгах почитателей Творца существа те изображались безо всякого сходства с истинным их обликом, а сотни лет, которые могли пройти с тех пор, как в местности той побывали соратники Гинрумана, способны были изменить любое представление о них или и вовсе позволить забыть об их присутствии в мире, превратить его в не заслуживающие доверия сказания и легенды.

Судя по широким их лицам, сами те люди или предки их пришли сюда с юга, спасаясь, должно быть, от гонений, творимых в тех землях с общепризнанной жестокостью. Лица их, обожженные солнцем, выдавали тех, кто немало времени проводит в полях, но руки с уверенной небрежностью сжимали тела винтовок, убеждая, что не раз уже доводилось тем мужчинам применять оружие то.

Слаженность их действий показалась ему приятной, указывая на тщательную подготовку и множество повторений. Выскочив из— за высоких бледноствольных деревьев, росших по обе стороны каменистой дороги, они немедля окружили его, наставив на Солнцегона штыки в пятах глумливой ржавчины, полагая, что смогут причинить ему вред, принимая его за некую разновидность лошади или иного верхового животного. Столь явное их неведение обрадовало Гинрумана, но показалось ему странным и настораживающим. Придав себе вид обеспокоенного и удивленного, он обернулся, пересчитывая мужчин, осмотрел колючие кусты и деревья, для чего ему не потребовалось использовать ничего, кроме обычного зрения своего. В том месте, где ранее сидела засада, никто не остался наблюдать за происходящим в готовности вести огонь издалека.

Мужчины те, одинаково одетые и снаряженные, имевшие на себе шрамы и следы от плохо залеченных и не так давно заживших ран, с недоверчивым любопытством осматривали и зверя

и седока, толпились, перекрывая друг другу линии обстрела, взволнованно переговаривались, называя друг друга по именам. Даже если и довелось им участвовать во множестве стычек и драк, воинскому искусству они обучены не были и в устройстве засад не отличались искусством. Их было двенадцать, но Гинруман не чувствовал опасности для себя. В одно мгновение спина Солнцегона могла бы принять его, а далее штыки и пули, извергаемые тем оружием, каким угрожали ему крестьяне, оказались бы бесполезными против него и только его желание позабавиться могло бы продлить их жизнь более чем на пару минут. Сколько еще подобных засад было спрятано в лесах возле местных дорог, сказать было невозможно. Помехи, плотным мороком застывшие над этими землями, не позволяли ему использовать в полной мере доступный ему арсенал, ограничивали его наземным транспортом и немногими ручными животными, оставшимися у него после длительного странствия. В почтительном отдалении следовали они за ним, никак не проявляя себя и не позволяя людям заметить их. В случае угрозы более серьезной, чем старые винтовки и мнящие себя воинами крестьяне, стая пришла бы на помощь раньше, чем был бы сделан первый выстрел, но если бы случилось то, цели своей он бы не достиг и длившееся больше пятидесяти дней путешествие оказалось бы напрасным.

Само наличие засады означало нежелание мужчин пропускать путников к поселениям своим, а значит имелось и нечто, должное, по их мнению, оставаться сокрытым. Все надежды Гинрумана на происхождение помех от оставшегося после Небесной Войны загрязнения или упавшего неподалеку, имеющего происхождение со второй луны метеорита, исчезли, когда увидел он встревоженные лица крестьян.

– Что это за животное? – предводитель их протянул ладонь к Солнцегону и тот оскалил было клыки, успокоившись только когда Гинруман прикоснулся к его шее.

– Это лептокон. – Гинруман погладил зверя, отчего короткие и густые серебристые вибриссы его задрожали. – Они водятся далеко на востоке.

– Никогда таких не видел. – мужчина задумчиво всматривался в животное. – Значит, ты с востока?

– Я с юга. Из Анкатара. – лжи не было в его словах, ибо путь свой он действительно начал из того города.

– Зачем сюда пришел? – теперь сощуренные жестокие глаза взирали на наездника.

Гинруман медленно поднял руку к шее, заметив, как от движения его напряглись самые молодые из мужчин. Осторожно залез он под ворот, вытянул золотую цепочку, высвободил медальон многорукого солнца.

– На юге становится все тяжелее нести веру, брат. – улыбка его сокрушалась о гибели мира меньше, чем об утрате мечтаний.

Мужчина согласно кивнул.

– В последние дни много людей идет с юга. – он опустил винтовку. – Поезжай вперед, Каер пойдет с тобой. Там священник примет тебя.

Черноволосый худой мужчина подошел к Волкогону с правого бока, угрюмо кивнул Гинруману.

Засада вновь исчезала в лесу возле дороги. Мужчины разбредались, переговариваясь, отодвигали тяжелые ветви кустов, скрывались за их круглыми темными листьями, уже через несколько мгновений становясь почти невидимыми и незаметными для странника менее опытного, настороженного, обладающего чувствами не столь тренированными, как у Гинрумана, не говоря уже о дарованных происхождением способностях его.

Именованный Каером мужчина шел медленно, иногда с любопытством поглядывая на Солнцегона, косившегося с недоумевающим изумлением, ибо одного движения его когтистой лапы было бы достаточно для кровеобильной гибели. Гинруман же, чувствуя себя спокойно и умиротворенно, зная уже, что следовавшая за ним стая расправилась с оставшимися

позади богомольцами и теперь рассредоточилась по лесу, выискивая прочих, следуя за своим хозяином, готовясь окружить то место, которое он обозначит как логово дурманящей скверны.

– Ты много странствовал, господин? – Каер шурился, глядя на Гинрумана, длинные волосы крестьянина, завитые в тонкие косички, смущали путника, всю жизнь наголо обривавшего свой череп, не давая противнику возможности схватить себя за волосы, не позволяя насекомым расплодиться в них.

– Довелось. – он сильнее стиснул поводья, недовольный тем, что крестьянин оторвал его от размышлений о чистоте.

– Правда ли говорят, что есть земли, где вовсе никакого почтения не испытывают к Создателю? – подобное казалось ему немыслимым, делало тихим его голос, умирало дыхание.

– Я родился там. – Гинруман улыбнулся, вспомнив янтарные пляжи Марнидага.

– Мерзость! – мужчина сплюнул на обочину, утопив в слюне черного жука – трупоеда. – Как же они живут?

– Ничуть не хуже других.

– Не говори так. – возмущенно качнулась голова его. – Создатель отвернулся от них. И когда вернется он, вместо великого блага и наслаждения принесет он им страдания вечные. – щурясь, крестьянин поднял лицо к небу, осматривая его, словно надеясь увидеть на нем вторую луну.

Гинруман пожал плечами.

– Слишком много прошло уже времени. – он рассеянно улыбнулся. – Едва ли удастся ему скоро вернуться.

– Мы молимся о его возвращении каждый вечер. Погоди, увидишь нашу церковь, поймешь, сколько стараний мы прилагаем. А со священником поговоришь, так и поймешь, что если бы таких, как он, миллион был на земле, давно бы уже освободился и вернулся к нам Творец наш.

– Мне уже не терпится встретиться с вашим священником. – злобное предвкушение Гинрумана передалось Солнцегону и тот едва слышно зарычал, напрягая мышцы и взбрыкивая, напоминая хозяину о сдерживаемой им силе.

Лес исчез и перед Гинруманом предстали поля, заполненные трудившимися в них крестьянами. Спиролла, высокая, крепкая, созревшая, нехотя клонила красные колосья под игристым ветром, а загорелые мужчины и женщины в белых комбинезонах срезали ее длинными серпами, складывали в плетеные корзины, посмеиваясь и напевая свои непристойные песни, как требовала того земля, развлекая и возбуждая ее. У них почти не было машин. Лишь пара старых тракторов, полосами ржавчины раскрасивших синие свои тела, угрюмо рокотала на опустошенном поле, ожидая, пока будут сложены в покосившиеся прицепы с высокими бортами тугие снопы. Некоторые из работников, подняв головы, вытирая со лбов полуденный пот, с интересом смотрели на незнакомца, больше внимания уделяя его невиданному в этих краях зверю. Все они будут если не сожраны, то разорваны его верной стаей, едва ли кому—нибудь удастся ускользнуть от хищников, способных найти человека по следу не только его тела, но и второй плоти, если только не найдется среди крестьян несущих в себе кровь посланников Создателя. Сам Гинруман не почувствовал подобного, но его обоняние, каким бы чувствительным оно ни было, не могло сравниться даже с Солнцегоном, не говоря уже о существах, созданных для многодневного преследования указанной цели без остановок для еды или водопоя.

Окруженный невысокой стеной из скрепленных красноватым мхом желтых камней, город был построен задолго до Заточения и пережил, должно быть, немало нападений, оставивших вмятины и темные следы на прикрытых листьями ржавой стали башнях его, откуда и сейчас наблюдали за дорогой вооруженные снайперскими винтовками мужчины, старавши-

еся выглядеть уверенными и жестокими, но выдававшими слабость свою желанием наблюдать за работами в поле, куда упорно клонились их взоры. Гинруман улыбнулся тому, с каким тщательным старанием повторяли они то, что считали необходимым, выглядя нелепой пародией на солдат и представляясь Гинруману менее боеспособными в сравнении с другими ополчениями, встреченными им. Возможно, ему не следовало бы использовать и стаю, но он привык следовать установленному порядку, находя его разумным и всегда подозревая в противнике больше, чем тот позволял увидеть. Несколько раз это спасало ему жизнь, когда из подземных хранилищ богомольцы извлекали существ и оружие, способные уничтожить и его и Солнцегона и всех следующих за ними. Ворота, через которые он прошел в город, высотой лишь втрое превосходили его, поднятого седлом. Почувствовав покалывающее напряжение, он поднял голову и увидел на зеленоватом камне арки тонкие золотистые полосы, но либо настройка была сбита, либо само устройство давно уже не работало и никак не проявило себя, даже почувствовав под собой посланника сил враждебных ему.

Узкие улицы города, не предполагавшие в нем наличие иного транспорта, кроме вьючного, все же приняли на себя моторизованные одноместные повозки, прикрывавшие железную кабину синеватыми стеклами, разукрашенные красными и синими птицами и животными, в том числе и такими, каких Гинруману никогда не приходилось видеть. В кузовах машин, спешивших на своих маленьких колесах, распространявших вокруг себя желтоватый горький дым, волнующий запах горячего железа, порывистый скрип рессор и певучую ругань водителей, он видел множество плодов и овощей, стянутых веревочными сетками и, если бы не все усиливающийся покалывающий трепет в основании черепа и влекущее темное напряжение, позволявшие ему понять направление, в котором расположена была церковь, город сей мало чем отличался бы от тех, к которым он привык и которые находил приятными. Возле некоторых из тех машин, превращенных в платформы для примитивных минометов, Гинруман видел солдат ополчения, расслабившихся, развалившихся, снявших броню и шлемы, проводящих время в праздных беседах, заигрывающих с проходящими мимо женщинами, одетыми в неизменно длинные юбки и едва ли представляющих из себя достойных противников для кого— либо, кроме солдат столь же неопытных и юных. Возникший против ожидания, маленький город этот, с тонкими колоннами зданий, желтоватым их камнем, длиннотухими полосатыми кошками, фигурами клыкастых тварей, вцепившимися в крыши, очаровывал его. Гинруман был рад, что именно его отправили сюда. Практика точечных зачисток все меньше удовлетворяла командование, находившее ее слишком медленной и недостаточно эффективной. Преимуществом действий стаи было то, что сам город останется целым или получит незначительное количество разрушений, причиненных, прежде всего, самими обороняющимися и их неумелым обращением с оружием.

Улица резко повернула и вывела его на площадь, пересечь которую обычным своим шагом он не смог бы и за минуту. Посреди нее воздвигло себя массивное, ровное, прочное, избавленное от украшений и окон здание с золотистым над ним куполом, от основания которого поднимались к небу расположенные на равном расстоянии друг от друга многочисленные руки. Строение церкви он отметил как необычное, но символика была очевидной и дрожащее сияние воздуха, ощутимое им, расхолившееся сотрясающими мысли волнами от сияющего купола, имело в себе силу, сопротивляться которой Гинруману приходилось, используя все известные ему методы и значительное напряжение сил. Почувствовал то и Солнецгон, тряхнувший головой, стоило когтям его длинных лап коснуться розоватых округлых камней брусчатки. Тряхнув головой, он прижал острые уши и недовольно зарычал, но ласковое прикосновение успокоило его и он последовал к церкви, направляемый волей хозяина.

— Тебя уже встречают. — конвоир его был рад избавиться от неприятного странника и, указывая рукой на вышедшую из высоких черных дверей церкви процессию, забросил винтовку за спину, отвернулся от Гинрумана и направился по своим делам, подразумевавшим, насколько

понял странник, лавку с тоскующими в прозрачных емкостях разноцветными прохладительными напитками и веселую рыжеволосую девушку, продающую их.

Вышедшие к нему были оснащены немногим лучше остального ополчения. Броня из тускло—серых пластин защищала их тела, а винтовки принадлежали к полуавтоматическим и многозарядным, с длинными магазинами и оптическими прицелами, уместными на охоте, но не в бою. Черные каски несли две скрещенные золотистые руки на лбу, движения казались более уверенными и спокойными, что могло быть следствием многих пережитых сражений. В шаге перед ними шествовал пожилой мужчина с короткой седой бородой, лысую голову отягчивший татуировкой многорукого солнца, но и без оной определяемый как священник, имеющий открытую связь с силами божественными и разрушительными. Одетый во все черное, в иной ситуации он выглядел бы торговцем или чиновником, имея схожую с ними лукавую нежность во взгляде сощуренных неподвижных глаз. Гинруману же он представлялся резонатором исходивших от здания церкви волнений, если не истинным источником их. Возле этого существа, несомненно, привлекавшего к себе благодать Создателя, божественные излучения собирались, усиливались, обретали напряжение, питая тело священника и разум его, распространяясь вокруг, отнимая силы и разум у созданий более слабых. Зрение и мозг Гинрумана, способные превратить в видимое воспринимаемое иными органами его чувств, включая и те, какими никогда не мог обладать человек, позволяло ему наблюдать золотистое, мерцающее, плывущее свечение, волновавшееся вокруг священника, имевшее в себе неисчислимые мириады микроскопических организмов, не требовавших для функционирования своего ничего, кроме веры, самозарождавшихся в ней, в любом сознании, посвящающем достаточно много времени размышлениям о Создателе. В случае кратковременной мысли предназначенные для восприятия действительности механизмы разума включались в противодействие разрушительному вторжению и немедленно уничтожали пробравшуюся в разум инфекцию, разрушали составленную из предположений мембрану микроорганизма и устраняли весь причиненный им вред. Продолжительное же сосредоточение мыслей на Создателе, величии и мудрости его, позволяло нематериальным бактериями тем размножаться вне всяких пределов и быстрее, чем слабая защита человеческого разума могла справиться с ними и вскоре они уже отнимали у него почти все силы его, требуя питания для себя, вынуждая с целью размножения их все больше и больше проводить времени за мыслями о божественном и остановить тот процесс не было почти никакой возможности, ибо не оставалось для того у зараженного ни сил, ни мыслительных способностей. В стае, следовавшей за Гинруманом, не было пленителей. Не собирался он и вызывать транспорты, занимать город и отправлять богомольцев в лагеря в наивной надежде на отвлечение их от Создателя. Считая подобные методы недейственными, он предпочитал полную зачистку, зная, что многие жители городов чистых с радостью отправятся на новое место, ибо смогут здесь получить жилье более просторное, надел земли и, нередко, новую жизнь, в которой, быть может, окажутся более счастливыми и свободными. Некоторые из соратников его не соглашались с ним, но единственным незыблемым аргументом его было все увеличивающееся количество содержащихся в лагерях богомольцев и незначительное число тех, кого удалось различными способами освободить от скверны Создателя.

Священник остановился, спустившись лишь на пару ступеней, всматриваясь в Гинрумана и его животное, чуть приподняв голову, широко раздувая ноздри, подергивая пальцами, сощурив глаза от распалившегося в предвкушении грядущих страданий солнца.

— Убейте его! — правая рука его взметнулась, указывая на путника. — Он пришел, чтобы уничтожить нас!

Не успел завершиться выкрик его, не успели солдаты вскинуть оружие свое, а седло и прочая упряжь уже слетели с Солнцегона и в широкой спине его открылось влажное, темно — розовое чрево, полное шевелящихся тонких языков, куда и провалился Гинруман, закрывая глаза и чувствуя себя возвращающимся в единственное место во всем мире, где было ему

комфортно и приятно существовать, где он чувствовал себя спокойным и живым. Чужая плоть обьяла его, тонкой упругостью ткнулась в шею и он стал зверем. Пули ударились в его грудь бессильными камешками, разрывая кожу, отскакивая от кости, не причиняя вреда. Резко развернувшись, закрутившись вокруг своей оси, словно пытаясь поймать собственный хвост, он завершил процесс принятия и проверки, убеждаясь, что все рефлексy существа неизменны и само оно полностью подвластно ему. Отряхнувшись, он привел себя в боевое настроение. Тонкие черные иглы поднялись над позвоночником его и, когда он на мгновение развернулся, вытолкнутые давлением собранных в подкожных мешочках секретий, ударили в солдат, пробивая нагрудную броню одного из них, шлем другого, впиваясь в левую руку третьего. Содержащие в себе парализующий яд, они принесли мгновенную смерть тем, кто не имел в себе ничего, помимо человеческой сути, но священник, которому одна из игл попала в правый бок, лишь раздраженно вырвал ее, окровавленную, поднимаясь на одну ступень, вздымая перед собой руки с широко расставленными, скривившимися от натуги пальцами. Гинруман чувствовал вокруг себя движение нескольких десятков живых существ, стоя с недовольством сообщала ему о легкой охоте в полях спироллы, сетовала на отсутствие достойных противников и самые быстрые из его последователей уже забирались на стену, лишь легкие ранения получая от крупнокалиберных пулеметов, выдергивая мечи из рук ополченцев, разрывая их тела, сбрасывая их на двускатные крыши, разламывая ими черную черепицу. Слух Солнцегона, неизмеримо более чуткий, воспринимающий звуки и вовсе неразличимые человеком, различал в неясном полуденном шуме далекие крики умирающих, ультразвуковые песни радостной стаи и от всего этого три сердца твари бились чаще, взволнованные, ликующие неотвратимой победой, пусть и была она слишком легкой и досадно предсказуемой. Уловив восторженное напряжение в воздухе, он отпрыгнул, перевернулся, разворачиваясь и движение то позволило ему увернуться от святого луча, божественной силой своей вполне способного причинить ему ощутимый вред.

– Не сопротивляйся, священник, – спокойный голос Гинрумана, воспроизведенный телом Солнцегона, звучал глухо и мягко, лишившись принадлежности к полу, став удрученно – безразличным. – Ты только тратишь силу своего бога впустую.

Захрипев, священник отступил еще на шаг ко входу в церковь, солдаты его, скрываясь за гладкими колоннами ее, вновь открыли огонь. Пули выбивали искры из камня, но Гинруман не обращал на них внимание, опустив голову, покачиваясь из стороны в сторону и медленно приближаясь к ступеням.

Один из солдат бросил в Гинрумана черный шар гранаты и в то же мгновение священник ударил снова. Взрыв откинул странника, изменил его прыжок и вибрирующий луч ударил его в правое плечо, разворачивая, отбрасывая, причиняя боль.

– Без своей твари ты ничто! – священник воздел руки к небу. – Создатель с нами, братья!

Еще две гранаты полетело на площадь, но на сей раз Гинруман легко увернулся от них, воспользовавшись дымным облаком для того, чтобы оказаться возле самих ступеней. Золотистое напряжение возле священника становилось все более тусклым, вторая луна была далеко за горизонтом и он не мог надеяться на скорое восстановление сил. Упрек был несправедливым, но никакого воздействия не оказал на оставшегося насмешливо рассудительным Гинрумана. Безоружный и обнаженный, он смог бы справиться с десятком солдат ополчения, благодаря особенностям своим, многолетним тренировкам и равному боевому опыту. Если и надеялся священник таким образом вынудить воина покинуть утробу боевого животного, лишь доказать смог тем, сколь пагубным было воздействие божественной силы на разум.

Стая была уже совсем близко, один из ульяноров оказался позади церкви и Гинруман чувствовал его карабкающимся на крышу. Все ближе звучали истеричные торопливые выстрелы, негодующие крики, вопли умирающих, женский тлетворный визг. Взрыв сотряс дома, выбивая стекла искристыми осколками, выталкивая торопливый дым с прилежавшей к площади

улицы. Один из зверей стаи был ранен, но потерь не было и, учитывая, как близок был уже бой к церкви, едва ли могли они произойти.

Глупцы все же воспользовались минометом, от отчаяния или случайно. С натужным воем взмыв в небо, красноносый снаряд обрушился на крыши домов, подбрасывая вверх обломки кирпичей, кровли, мебели, влажные ошметки человеческих тел, в усталом грохоте выражая все свое презрение перед сущим.

Выглянув из— за колонны, солдат выдернул чеку гранаты и приготовился уже бросить ее, но Гинруман, вызвав у себя рвотный рефлекс, метнул в его сторону сгусток жгучей мутной слизи. Закричав, солдат воздел руки к лицу, опомнился, попытался все же швырнуть гранату, но она отлетела совсем недалеко, покатила по ступеням, взорвавшись на третьей из них. Осколки камня ударили в не успевшего скрыться солдата, оставили кровавые пятна на левой щеке священника, не обратившего на то внимание. Взор его направлен был на Гинрумана, обреченное бессилие позволило ему обрести покой, но не отказаться от намерений своих. Из кармана своего он выхватил шар из зеленого стекла и швырнул его к Гинруману. Ударившись о растерянный камень мостовой, шар раскололся и синеватые искры поднялись из него, вынуждая нос Гинрумана зачесаться. Шерсть над его хребтом поднялась, он невольно задержал дыхание, отступая на пару шагов. Мерцающая пыль распространялась по воздуху, словно была живой и претерпевала нескончаемое, неостановимое размножение. Не меньше нескольких лет должно было потребоваться священнику, чтобы накопить такое количество благодати и то, что решился он все же использовать ее, указывало на отчаяние его. Стая уже очищала город и, даже если бы и удалось защитникам его устранить Гинрумана, едва ли смогли бы они справиться со всеми его животными. Среди них не имелось дальнобойных стрекателей или огнеструйных сумчатых, а только быстрые и ловкие хищники, предпочитаемые им для операций быстрых и безжалостных. Никогда не заботился он о количестве погибших при том богомольцев и едва ли оставшихся в живых горожан, даже если бы все они вооружились и избавились от страха перед стаей, было бы достаточно для того, чтобы одолеть его. Но даже если бы и удалось им то, город пришлось бы оставить. Гибель Гинрумана отправила бы сигнал достаточной силы, пробившийся сквозь божественный морок. Даже будучи заглушенной, смерть его оставила бы им несколько дней, прежде чем, обеспокоенные его молчанием, к местам сим сошлись бы другие охотники и отряды, были бы направлены войска из Анкатара, скрыться от которых было бы сложно даже в этих отравленных кровью Создателя землях. Наблюдая за концентрацией благодати, Гинруман чувствовал, что ей не удастся уничтожить его, но боль будет сильна и повреждения, возможно, придется залечивать много дней. Выжидая, он отступил, обходя священника и его солдат, остановившихся в ожидании, перезаряжающих карабины, оттаскивающих за колонны раненых, снимающих с них гранаты, испуганно выглядывающих из— за укрытия.

На крыше церкви появился, опустив длинную окровавленную морду, черногривый ульнар. Запах священника, зловоние благодати разозлили зверя еще больше и он, угрюмо зарывчав, прыгнул вниз. Солдаты успели вскинуть головы, но тварь, вцепившись когтями в колонну, оттолкнулась от нее, слишком быстрая для них и упала на священника, столкнула его со ступеней, покатила вместе с ним, вцепившись в него длинными передними лапами, когтями задних разрывая тело с такой силой, что куски плоти, разбрызгивая темную оторопь крови, взлетали до капителей колонн, прорываясь сквозь мерцающий морок благодати. Закричав, солдаты открыли огонь, не беспокоясь уже о священнике, справедливо полагая его мертвым. С радостным визгом первого оргазма ударялись о камень пули, ликуя в вечном освобождении. Встречавшийся с разными существами и знающий, что близость к Создателю нередко награждает самыми удивительными свойствами, Гинруман не позволил себе уверенности. Ульнар со священником были уже у основания лестницы и здесь зверь отбросил тело, развернулся к солдатам, раненый уже в плечо и заднюю лапу, уязвимый для пуль и гранат и резкими, виляющими

прыжками, бросился наверх, перелетая сразу через несколько широких ступеней. С улиц уже доносилось рычание сородичей его, город был близок к очищению. Напряжение, ощущавшееся ранее Гинруманом, сдавливавшее город золотым приливом, растворялось, теряло свою силу и вся оставшаяся власть его стекалась к церкви, собиралась на куполе, вынуждая темнеть пластины его. Обойдя облако благодати, Гинруман подобрался к священнику, желая убедиться в гибели его. Левая рука богомольца была почти оторвана, окровавленная кость надломилась, из вспоротого живота витиеватой ересью выползали блестящие подобно откровению кишки. Священник выглядел мертвым, но для уверенности в том, Гинруман наступил ему на грудь левой передней лапой, чувствуя, как покорно продавливается под ней грудная клетка, а правой сперва оторвал голову, переломив желтыми когтями падалыщика непрочную радость позвоночника, выпустив на свободу бурлящую темную кровь, радостно хлынувшую на избавляемые ею от невинности камни, а затем раздавил череп, позволив мозгу выплеснуться, затопляя порочными мыслями пробившиеся между булыжников растения, превращая их в плотоядную страсть. Стая собиралась на площади. Переступая цепкими лапами, широкогрудые ульнары шли со спокойствием хищников, осведомленных об отсутствии для них соперников. Облизываясь, они стирали кровь, высохшую на их короткой шерсти, озирались вокруг сосредоточенными, сощуренными глазами восторженных хищников, точки в темных пространствах зрачков складывались в созвездия, какими станут те через миллионы лет. Два медлительных стенолома с трудом протиснулись между домами, покачивая массивными плоскими головами на шеях, обвитых тугими полосами мышц, проступающих под темно—серой, в черных и светлых пятнах кожей. Наличие тех тварей требовалось стаям, ибо горбы их, помимо всего прочего, могли прокормить прочих в случае долгого голодного путешествия. Одного ульнара было достаточно для того, чтобы охранявшие священника солдаты остались лежать на ступенях и между колоннами. Оторванные конечности и растекающаяся кровь радовали собой тоскующий камень. Незримым жестом, улыбчивым движением мысли, он позволил зверям пир.

2.

Приближение полудня он определил по тому, что стало теплее в палатке, настроенной на предельное охлаждение. Воздух, выделяемый ее порами, стал менее холодным и поток его ослаб, обозначая тем установившийся за ее пределами гремющий зной. Палатке едва позволяла единственному ее обитателю вытянуться, а сидеть он мог только согнувшись, касаясь головой нависавшей над ним сухой кожи полога. Ничего лучшего он не смог себе позволить. За время блуждания по пустыне он наблюдал вдали несколько караванов, состоявших из длинноногих мирангов и с лихорадочной ненавистью завидовал путешествующим в утробе тех удивительных существ, где сонная прохлада позволяла забыть обо всех пылающих неудобствах. Будучи городским жителем, он никогда ранее не выходил так далеко в пустыню. Уверенный, что вся его жизнь пройдет за стенами Аспигота, он был вполне доволен тем, не чувствуя нужды в странствиях. Жажда новых впечатлений была чужда ему, ибо не видел он в них ценности, а опасности, способные проявиться на пути к ним казались ему чрезмерными, неизбежными и утомительно навязчивыми. Воспитанный в традициях тихой веры, он был, к тому же, наслышан о том, что в других городах даже столь далекая от восхищений и красот разновидность ее подвергается гонениям со стороны безжалостных гатриан и потому, выбираясь по ночам на крышу и обращая взор свой к оскверняющей небо великой клетки, находил вполне приятным как свое расположение, так и предполагаемую им судьбу.

Выпрямив затекшую правую ногу, он вытянул из— под открытой книги, в бессчетный раз перечитываемых откровений Кармиана Пещерного, солнцезащитные очки, состоявшие из множества тонких полосок, вернул на голову широкополую шляпу и прикоснулся к чувствительной точке на потолке палатки, вынуждая ее открыться. Рассказывали, что в этой пустыне труп превращается в иссушенные кости за два дня и теперь, задыхаясь от распутного, мня-

щего себя всемогущим жара, он склонен был в это поверить. В любой из сторон света горизонт был здесь одинаково уродлив. Изувеченный припадочным солнцем, он мелко трясся, пылая в жадном приступе, сжигающем самые древние, воздвигнутые великими безумцами прошлого миражи. Побелевшая почва, окаменевшая, неуверенно искрящаяся, расходилась рваной сетью трещин, служивших пристанищем для змей, ящериц и даже мелких животных, бесстрашных грызунов, упорно пытавшихся пробраться в палатку или откусить от нее кусочек. К счастью, создатели ее предусмотрели подобные обстоятельства и одной инъекции было достаточно для появления на внешней поверхности ее мелких частых шипов, увлажненных ядом, не опасным для существ крупнее крысы. Устанавливая палатку, он расположил ее выходом на север, облегчая себе понимание времени. Имевшиеся у него часы вышли из строя на третий день, запасных он не взял и теперь определял время при помощи воткнутой в землю антенны радиоприемника, получавшего достаточно энергии от солнечных батарей, но оказавшегося все же неспособным поймать устойчивый сигнал какой-либо станции. Каждый вечер он развлекал себя тем, что пытался настроить строптивное устройство, но лишь изредка пробивались к нему сквозь волнистый шум неразборчивые голоса далеких городов да торопливые переливы гатрианских кодированных сообщений. Все ожидаемое им должно было произойти в ближайшие два дня, ибо именно таким было окончание явленного ему срока. В точности имевшихся у него сведений он не имел основания сомневаться, ибо пришли они ему во сне в полнолуние. Не исключая возможности неверной интерпретации, он предпочел оказаться в указанных координатах несколько раньше представлявшегося наиболее вероятным дня, а в две другие возможные точки отправил надежных единоверцев своих, не менее расточительных в молитвах. Пустыня эта, гиблая только для человека и прочих влаголюбивых, удивленная его присутствием здесь, предстала для него местом неожиданно полным жизни, представлявшей опасность большую чем жара или недостаток воды. С первой благополучно справлялась палатка, пусть и имевшая уже солидный возраст и приобретенная в лавке подержанного снаряжения для пустынных, вторую же он устранил точно рассчитанным запасом, умеренным потреблением и конденсатором, оказавшимся не столь эффективным, как обещал его прежний владелец, но все накапливавшим за сутки несколько глотков горьковатой, пахнущей мускусом жидкости. Прикованный к палатке, днем конденсатор лежал, свернувшись в плотный шар, выставив острые щитки, ничем не выдавая жизни и более всего похожий на окаменевшие останки неведомого существа или механизма, какие во множестве встречались в этой одряхлевшей прежде времени пустыне. Некогда здесь было внутреннее море, на путь через которое потребовалось бы немало дней, но древнее сражение, привлекшее к себе внимание и участие армиолов, выжгло его, навсегда сделав эту землю бесплодной. Рассудительный путник, если можно было назвать таким любого, кто решился углубиться в мертвые эти пространства, всегда имел с собой детектор, способный определить опасное загрязнение и дыхательную маску для защиты от него. По крайней мере, пустыня та, в отличие от других мест великих святых битв, избавлена была от неуязвимых вечных хищников, оставшихся после тех сражений и блуждавших в поисках жертвы, каковой представлялось для них любое живое существо. За многие сотни лет ни одного подобного нападения не произошло здесь, но путника все же не отказался от присутствия с ним оружия. Старый карабин, принадлежавший еще его деду, едва ли мог оказаться действенным оружием против любого, пожелавшего напасть на его владельца. Прицел его был сбит, механизм, даже подвергнутый полному перебору, чистке и смазке, питал пристрастие к осечке не меньшее, чем к ступору заклинившего затвора и, в случае потребовавших бы его присутствия обстоятельств, был бы полезен только для производства испуга в трусливом противнике. И все же он ничуть не сожалел, что отправился в пустыню, пусть даже оказался бы неверными выбранные им координаты. Ощущение сопричастности, наполнявшее его чувства с той самой минуты, как он проснулся от впервые случившегося с ним вещего сна, уже само по себе было удивительно. Ранее ему доводилось лишь читать о подобных явлениях, а теперь и сам он почувство-

вал немыслимое, упоительное, превращающее все прочие связи в прерывистый неясный блеск чувство единения с запредельным, с силами, превосходившими любое человеческое безумие. Великая клеть, святая темница, небесная тюрьма, место яростного заточения, вторая луна, именуемая иногда Армиконом, обрела для него новое, пугающее, оглушающее значение. Как будто бы ранее он, даже глядя на нее и зная о ее сущности, даже вознося молитвы к заточенному в ней, был все же неспособен поверить в сущность ее, сохранял сомнение о том, что все, рассказанное ему и прочитанное им было истиной. И это несмотря на то, что неоднократно видел он на улицах и площадях гатриан, наблюдал в небе их машины и существ, а однажды был даже свидетелем того, как провозили через город кокон одного из армиолов и почувствовал невозможную силу, жесточайшее напряжение, заключенное в том бесформенном, матово—черном яйце. В отличие от некоторых знакомых своих, он ни разу не был свидетелем ни одного из тех пусть крошечных, но все же чудес, с которыми посчастливилось столкнуться им. Именно это, как считал сам он, неумело пряча за теми мыслями завистливую злость, делало веру его намного более прочной и значимой. В этой растерянной пустыне, где сама жизнь упрочняется в представлении о себе как о невозможном чуде, он обрел немыслимый, невероятный покой. В холодном ночном воздухе луна армиолов восставала ослепительными страхами, поднималась сияющим недоверчивым великолепием, проходя в двух диаметрах своей от Темной Тропы, призрачной темнотой заволакивавшей звезды, вызывая не столько к почитанию, сколько к неизбывной тоске. Глядя на небесную темницу Создателя, как могло не овладеть созерцающим отчаяние, ибо величие ее, украшенной темной яростью кратеров, угнетало и представлялось незыблемым и неразрушимым. Кратер, прикрывающий собою южный полюс, напоминающий очертаниями голову короткокрылой птицы, оставлен был взрывом ракеты, запущенной три века назад группой богомольцев из северных джунглей. Уверая, что им удалось снарядить боеголовку зарядом, найденным в забытом арсенале армиолов, они добились только того, что выдали местонахождение своих городов и позволили гатрианам нанести немедленный ответный удар по ним. Единственным действенным оружием оставалась вера в могущество Создателя и молитвы, обращенные к Нему, вверяющие молящегося воле Его, мечтающие о разрушении небесной клетки, возвращении в мир великих силы и любви. Все блага, какие можно было помыслить заточены были в той луне. До того, как появилась она на небе, сплетенная, сдавленная, собранная из камней армиолами, люди не знали болезней и жили во много раз дольше, женщины рождали детей без боли и самих детей было больше, в мире не было стольких гиблых мест и опасностей, да и сами люди отличались большими добротой и состраданием друг к другу. И потому следовало как можно усерднее молиться, чтобы однажды совместное напряжение от того пронзило защитные барьеры мятежных армиолов, разрушило ненавистный камень и вернуло милосердие Создателя детям его.

На самом краю зрения, высоко и вдалеке, нечто искристо вспыхнуло, привлекая к себе внимание и мужчина на мгновение вернулся в палатку за биноклем пустынников с радужно—темными стеклами, не производящим выдающих наблюдающего бликов. Шероховатый, цвета рассветного песка корпус его все еще оставался приятно холодным, радуя тем смотрящего в течение нескольких мгновений, понадобившихся устройству, для сосредоточения внимания на падающем с небес объекте. Тот уже замедлился и теперь можно было рассмотреть его, имеющего чуть вытянутую сферическую форму, распространившему по матово—зеленому корпусу своему бесчисленное количество наростов, короткими вспышками выдававшими назначение, останавливавшими вращение, изменявшими направление полета. Гулкий, трескучий грохот донесся до слуха богомольца, отчего тот вздрогнул, не отнимая от глаз бинокля. При максимальном увеличении он видел, как отваливаются от небесного посланца пылающие чешуйки, как подергивается он от неведомых сил, влекущих его, дрожит в окружающем его горячем воздухе и становилось очевидно, что приближается он к взирающему на него. Поняв это, он с трудом удержался от крика, подхватил оружие, флягу с водой и бросился в ту сторону, где

должен был упасть чудесный объект, радуясь верно истолкованным снам и знамениям. Осознав место для приземления уже выбранным аппаратом и находящимся в непосредственной близости, он остановился, подняв голову к побелевшему небу, замороженно наблюдая за вращающимся, покачивающимся, неуверенно подрагивающим, медленно снижающимся механизмом, выискивавшим наиболее приятное ему, избавленное от неровностей и трещин пространство. Обнаружив таковое, он на мгновение замер, расслабленно и лениво вращаясь, после чего резко пошел вниз, выпуская тянувшиеся от основания до вершины широкие лепестки, сопровождая то гулким утробным рокотом, сотрясающим пустыню и усилив вздымающее пустынную пыль пламя. Громогласная яркость явления того не вызвала сомнений в заметности его и казалось удивительным, что не слетелись еще к тому месту боевые машины песчаной гвардии или ульнараны гатриан. Горячий воздух ударил в грудь, пыль и мелкие камни расцарапали лицо, но он не обращал на то внимания, ступая через облако смешавшейся со смрадным, горьким дымом пыли, благодаря Создателя за очки, но все же прикрывая глаза. Земля содрогнулась еще раз, а затем грохот стих и еще через несколько шагов осела и пыль, дымными всполохами покружилась возле ног пугливой змеей и растворилась в сгущающем кровь зное. Замерев на едва заметно подрагивающих, слегка согнувшихся лепестках, небесный кокон исходил еще большим жаром, чем сама пустыня и переливчато потрескивал, приподнимая и опуская синевато— зеленые чешуйки, свободными от которых были только выбранные уродливыми черными наростами места. Осторожно приблизившись, пустынный обожел вокруг кокона, восхищенно рассматривая его, ожидая от него дальнейших чудес, но ничего не происходило и он замер в недоумении, рассматривая ребристые соты в обнажившихся опустившимися лепестками прорехах. Произнеся восславлявшую Создателя молитву, он осмелел, снял перчатку с правой руки, осторожно протянул пальцы, заострившие кривые и грязные ногти и кончиками их дотронулся до обжигающего, упругого корпуса. В ответ на прикосновение, тот затрясся, содрогнулся и разломился длинной неровной трещиной, влажной прорехой в гниющей плоти, из которой неожиданно повеяло мечтательным холодом. Пустынный в ужас отпрянул, как будто нечто неведомое обожгло его, стирая форму и точность подаренного Создателем образа. Источая горьковатый смрад, вязкая, синеватая жидкость хлынула сквозь прореху, раздвигая и увеличивая ее и вместе с тем бледное, сжавшееся, согнувшееся тело выплеснулось на пустынную ярость, увеча ее мелкой дрожью ломаемых судорогой конечностей. Бросившись к нему, пустынный подхватил прибывшего с небес, задыхаясь в отнимающих разум испарениях, вцепился в его тонкую руку, закинул себе на плечо и поволок по направлению к палатке. Стоило им отойти на сотню шагов, как земля сотряслась вновь, на мгновение все вокруг потемнело и когда пустынный обернулся, то на месте спустившейся с небес машины увидел только облачко искристой пыли, растворяющееся в пустынном бессмертии. Тело посланника оказалось удивительно тонким и легким, длинные волосы его, высохнув, слиплись в ломкие пряди, а под кожей проступил золотистый узор, лишь отдаленно напоминавший сплетение кровеносных сосудов. К тому времени, когда они добрались до палатки, вся жидкость уже испарилась и почти прошла дрожь, ноги его уже не волочились по пустыне, царапаясь о камни и шагали пусть и неровно, но все же с ощутимой силой. Узнав хозяина по прикосновению, палатка раскрылась перед ним, радостно сотрясаясь и выпуская из всех пор разом поток холодного воздуха. Задыхающийся, обессиленный, считающий все жидкости своего тела превратившимися в пот, он сперва затолкнул в палатку нагого посланника и только затем рухнул внутрь сам, с трудом найдя силы согнуть ноги и позволить входу закрыться. Долгое время он лежал, хрипя и почти не имея сознания, чувствуя только, как горит и трясется все его тело, величайшее блаженство находя в ощущении исчезающих под холодным дыханием палатки капель пота на его лбу. Когда дыхание его замедлилось, а в руки вернулось достаточно силы для осмысленных движений, он дотронулся до выступа на стенке палатке и во влажной ее темноте медленно расползлось источаемое сетчатыми линиями вен синеватое сияние. Из— под своего мат-

раса он вытянул мешок, хранивший одежду для небесного гостя и помог ему, безвольному, тяжело дышащему раскрытым ртом, облачиться в рубашку и брюки из плотной, но легкой ткани, с узором из красных птиц и синих ящериц, традиционный для местных племен. Посланец небес сидел, согнув ноги, свесив ладони с колен, опустив голову и тяжело дыша. Длинные волосы закрывали его лицо, кончики пальцев подергивались, а время от времени яростная дрожь сотрясала все его тело. Открыв флягу, пустынный протянул ее гостю, но тот остался неподвижен и тогда пришлось набрать воды в ладонь и опрокинуть ее на губы снизошедшего. Вытянув из сумки тонкую палочку вяленого мяса, он поднес ее к носу своего гостя, но тот никак не отреагировал и далее было только ожидание в полутьме шумно вздымающейся палатки, сопровождаемое лишь молитвами во славу Создателя.

– Мое имя Шендар. – посланник выпрямился, глубоко вздохнул, протянул руку, получил мясную трубочку, раскусил ее острыми зубами. – Как зовут тебя, возлюбленный брат?

– Альмигор, мой господин.

Шендар кивнул, словно иного имени и не могло быть у встречающего.

– Как далеко до города?

– Аспигот в трех днях пути, господин.

– Не называй меня так, брат. – Шендар поднял голову и улыбка его ласковой увлекала искренностью. – Только Создатель наш есть господин нам.

Альмигор смущенно кивнул, все еще взволнованный более, чем когда— либо ранее в своей жизни, польщенный и удивленный тем, что именно ему довелось встретить и принять существо, бывшее к Создателю намного ближе, чем самый прославленный из священников.

– Когда ты будешь готов идти? – Шендар облизнул пальцы, протянул руку к фляге.

– Мы можем выйти завтра ночью, если только тебе не потребуется время для отдыха.

– В этом нет нужды. Не думаю, что мой спуск был замечен гатрианами, но все же следует как можно скорее покинуть это место и приступить к выполнению миссии.

– Ты откроешь ее мне? – он откусил мясо, чуть солоноватое на вкус, начиная ощущать прежним свое тело и чувствуя возвращающиеся голод и жажду.

– Конечно, брат. Я должен попасть на вторую луну.

С тех пор, как армиолы втолкнули на небо ту твердь, немало попыток предприняли почитатели Создателя оказаться на поверхности ее. Но армиолы разместили на ее орбите платформы и станции, уничтожавшие любого, кто пытался приблизиться, а на самой луне имелось несколько фортификаций, содержащих в себе тяжеловооруженный гарнизон, призванный противостоять как самозарождающимся по вине просачивающегося излучения чудовищам, так и богомольцам, чудесным образом преодолевшим все заслоны. Насколько было известно, за все три тысячи лет никому не удалось побывать на сковавшей Творца луне без ведома гатриан. Великий пророк Сетриан уверял, что ступал на поверхность ненавистной луны и даже беседовал с Создателем, но мало кто, кроме объединившихся в секту последователей того самопровозглашенного мудреца верил ему. Имелось и великое множество других персонажей, утверждавших схожее свое деяние, но заслуживающих при этом еще меньшее доверие. Услышав подобное заявление, Альмигор едва не усмехнулся, несмотря на то, что исходило оно от существа, чья связь с запредельным представлялась несомненной.

– Ты сомневаешься и проявляешь тем мудрость, брат. – Шендар прикоснулся к плечу богомольца и удивительное, золотое, вечное, негаснущее тепло вспыхнуло под его глазами, даруя бесплотное, внечувственное, спокойное наслаждение. – Деяние это будет сложным даже для меня и поэтому мне понадобится твоя помощь и всех, кому ты доверяешь и кого сможешь привлечь. Если оно удастся нам, мы сделаем первый шаг к разрушению этой мерзкой луны.

Они вышли на следующую ночь, причем Шендар отказался от всего подготовленного снаряжения. У Альмигора возникло предположение о том, что спутник его предпочел бы остаться нагим, но не желал смущать его тем. Забрав себе часть ноши, в том числе и палатку, он ничем

не выказывал тяжести ее, босыми ногами ступал по пустыне походкой легкой и расслабленной, как будто прогуливался по набережной или собственному саду. В левой руке он держал поводок конденсатора, послушно семенившего рядом с ним на коротких лапках, пальцы же правой пребывали в постоянном движении, как будто производил он ими некие таинственные знаки или собирал из воздуха нечто незаметное и неосязаемое. Обливаясь потом, Альмигор с завистливым восторгом смотрел на Шендара, ни одной капли не допустившего на себя и не щурившего глаза под слепившим даже сквозь пустынные очки солнцем. Равно неуязвимым был он и для ночного холода, отказываясь при этом от пищи и почти не потребляя воды.

– Ты помнишь времена до этого? – Альмигор махнул рукой в сторону ненавистной луны. Кивнув, Шендар усмехнулся.

– Ты один из армиолов? – он задержал дыхание, подозревая себя в присутствии немислимого величия.

– О, нет. Я появился много позже их. Мне не сравниться с их могуществом.

– Каким был мир тогда?

– Не верь тем, кто называет те времена счастливыми. Не были они и радостными. Было лишь больше порядка, ведь над всем царила воля Создателя и армиолы внимательно следили за исполнением ее.

– Ты встречался с армиолами?

– Много раз. И даже выступил в битве против одного из них. Они прекрасные и удивительные существа. Я думаю, что Создатель хотел заселить ими весь мир.

– Почему же он не сделал этого?

– Напряжение вокруг армиолов столь велико, что мироздание не вынесет слишком большого количества их. К тому же, молитвы и восхваления, творимые ими, оказались не столь приятны Создателю, как он надеялся.

– О каком напряжении ты говоришь? Это то, что они называют святым полем?

– Когда — то оно было таким и вокруг них. Не знаю, во что они превратились сейчас.

– Возможно ли разрушить это? – преодолевая себя, Альмигор воззрился на ненавистную ему луну, созерцая пятна и блеклости ее.

– Сами армиолы считают, что возможно. Но пока что такой силы нет. Нам предстоит создать ее.

На пятый день они приблизились к проходу, пробитому в серовато — желтых скалах, вздыбленными острыми пиками пытавшихся убедить взирающих в высоту своей. Один за другим подходили к пролому караваны, следовавшие по нескольким сходящимся возле него узким дорогам. От самого горизонта тянулись темными вереницами охраняемые пустынными ками, наемниками и бывшими бойцами гатрианской гвардии машины и животные, огромные криволапые твари, принявшие на темную кожу татуировки и клейма племен, обитавших за сотни горизонтов, перевозившие товары в себе или тянувшие за собой фургоны, кривящие высокие и широкие колеса, высоко вздымающие над собой мачты с чешуйчатыми антеннами, сигнальные флаги с яркими на них фигурами, кабинки для дозорных, способных предупредить об ускользнувшей от приборов опасности. Некоторые из машин источали разноцветные дымы из уродливых, облепленных украшениями, талисманами, тотемами корпусов, вокруг других расходилось радужное сияние. Перед иными танцующие слуги разбрасывали лепестки цветов или кости мелких животных и младенцев, за другими с воющим плачем шли изнуренные нагие почитатели.

– Какая мерзость! – натягивая брюки, Шендар наблюдал за исчезающими в проходе караванами.

Подавая ему одежду, Альмигор растерянно улыбнулся. Зверопоклонники, почитатели природных стихий, безумцы, молившиеся безжалостным чудовищам, всех он встречал в стенах города, все одинаково неприятными казались ему. Почитая их носителями скверны, при-

знаявая их заблудшими и невежественными, он не устал напоминать себе об истинной причине происходящего, о предательстве армиолов, приведшем к созданию для войны с ними и последователями их существ, после Заточения оказавшихся неспособными более слышать голос Творца и, ввиду силы и чудесных способностей своих, становившихся идолами и богами в далеких землях и городах.

Запахнувшись в расшитую змеями и цветами накидку, скрыв голову под капюшоном, глаза спрятав за сетчатыми очками, на правом плече придерживая винтовку, левую руку положив на украшенные геометрическим узором ножны кинжала, Шендар стал похож если не на пустытника, то на желающего казаться сведущим и опытным в делах пустыни жителем города и Альмигор счел возможным продолжить путь.

Им пришлось идти по обочине, подальше от массивных лап тягловых тварей. Погонщики, закутанные в истрепанные пустыней лохмотья, плевали вниз, стараясь попасть на пеших путников и шумно радовались, когда слюна попадала в цель. Один из плевков угодил на плечо Шендара, сопровождаемый глумливым смехом, другой упал на голову. Альмигор поднял взгляд, хватаясь за приклад винтовки, но спутник остановил его, успокаивающей улыбкой обозначая подобные мелочи ничтожными.

В тени пробитого армиолами прохода не было прохлады, только скопившийся смрад от машин и животных. Трескучим эхо отдавались от гладких черных стен звуки, бесчисленные путники оставили на изуродованном камне надписи на многочисленных языках и рисунки, отличавшиеся поразительной непристойностью, изображавшие длиннорогих многоголовых существ, никогда не встречавшихся в этих краях совокупляющимися с людьми обоего пола и гермафродитами. Не помогала и пустынная маска, спасавшая и сохранявшая дыхание даже во время песчаной бури. Зловоние, исходившее от тел животных, из их пастей и кишечника, извергаемые машинами дымы сливались в стоячий мерзостный туман, не позволявший иногда рассмотреть идущего в нескольких шагах. Звери выли, рычали, стонали, испражнялись, заливая камень, оставляя на нем темные пятна, избивая его потоками темной мочи, способными сбить с ног человека, шумными дымчатыми ручьями текущими по песочной грязи, превращая ее в вязкую зловонную массу. Кучи фекалий вываливались из красных анусов и лишь немногие из них удостаивались внимания слуг, подбегавших к ним с лопатами и тележками, сгужавшими затем у стен зловонные массы, со временем превращавшиеся в испещренные глубокими рытвинами известковые нарывы копролитов. Когда некоторые из существ взмахивали хвостами, становились заметны воткнувшиеся в них деревянные и стальные пробки. Слуги, носившие облегченные, облегающие тело вариации пустынных одежд, головы скрывали под остроухими шлемами, в длинных клыкастых мордах прятавшими фильтры, разукрашенными узорами из разноцветных текучих полос и пятен. В обязанности их входила и защита животных от змей и всеядных грызунов, сновавших между ногами гигантов в надежде подобрать оброненный наездниками или солдатами кусочек пищи. Машины, медленно проворачивая массивные колеса в два человеческих роста высотой, проезжали по зловонным кучам, забывая вязкими массами каналы шин, обдавая пеших путников густыми жаркими дымами, одним вдохом вынуждавшими детей, женщин и даже некоторых мужчин терять сознание, раскаленным металлом корпусов отнимая дыхание. Сидевшие на броне солдаты, наемники, охотники, пассажиры смеялись, бранились, плевали и мочились вниз, словно им не было никакого дела до глупцов, переходивших ущелье пешком. А таких было немало. Пилигримы в истрепанных одеждах, возвращавшиеся из странствий к святым местам, искатели древностей с мешками едва ли не равными размером им самим, легконогие пустытники, направлявшиеся в город для обмена добытых ими драгоценных камней на животных, оружие или лакомства, горожане, вынужденные совершить пеший поход за пределы города, ловцы ящериц, шедшие парами, положив на плечи длинные жерди, с которых свисала их подвешенная за лапы и головы добыча, все жались к скалам, где было меньше экскрементов и казался не таким удушающим дым.

– Говорят, этот проход сделали армиолы? – Шендар прикоснулся кончиками пальцев к матово— гладкой стене.

Альмигор кивнул.

– Узнаю их скудость. – Шендар раздраженно сплюнул, в слюне его золотистые мелькнули искры.

– Город не принадлежит им. – Альмигор надеялся, что так будет и дальше. Вопреки всем стараниям гатриан, власти города отказывались признать их покровительство. Требуя только разрушения храмов, изгнания богомольцев и доступ к имеющимся в регионе природным ресурсам, гатрианы готовы были вознаградить за то технологиями, продлевающими и облегчающими жизнь, но не все земные владыки считали достойным для себя покориться воле армиолов. Сам Альмигор полагал, что в большинстве случаев нежелание правителей идти на условия армиолов происходило из тщеславия и гордыни или же было попыткой выторговать больше, чем предлагалось. С течением времени города и представлявшие собой их объединения государства принимали условия гатриан. Слишком велико было оказываемое ими давление, да и не было на земле армии, способной противостоять гатрианам, не говоря уже о беспримерной мощи армиолов. Желая выглядеть справедливыми и милостивыми, в случае с городами, не принадлежавшими полностью почитателям Создателя и не подчинявшимися их власти, гатрианы редко когда производили насильственный захват и только в исключительных случаях вмешивались в человеческие отношения, даже если угрожали те разрушительными и обильными на жертвы конфликтами.

– Ничто в этом мире не принадлежит им. – Шендар взмахнул рукой, поймав в кулак рубиновую муху. – Они не имели права появляться здесь во плоти.

Казалось, что окружающий их зловонный хаос ничуть не беспокоил его. Временами он даже отстегивал маску и улыбаясь, делал глубокий вдох или же приподнимал очки, с интересом осматривая все вокруг, как будто все здесь было непредсказуемым чудом, изумлявшим и восхищавшим его в той же мере, в какой его присутствие удивляло Альмигора. Подавив исходившее от него ощущение существа неземного, бесплотного, не способного присутствовать в действительности и совершив то, должно быть, посредством чудотворных возможностей своих, Шендар, несмотря на все старания свои, выглядел среди прочих пустынников возмущительным самозванцем. Походка его, как ни старался он изменить ее, наполнилась напряженной легкостью, встретить которую невозможно было у тех, кто едва не высох под плавающим песком солнцем. Движения его слишком резкими и яростными были для того, кто привык экономить силы в песочной ярости. Но все же ему удавалось оставаться почти незамеченным, тогда как сам Альмигор служил неизменной мишенью для плевков и струй мочи и сопровождался презрительными и непристойными насмешками, ибо все в нем выдавало городского жителя, выбравшегося в пустыню для развлечения, поисках приключений или откровения.

– Эй, святоша! – солдаты кидались в него острыми черными семенами незнакомого ему фрукта, величиной с половину его ладони. – Как дела с прозрением? Создатель ответил тебе?!

Стиснув зубы, он опускал голову, созерцая свои потертые ботинки. Шендар смеялся вместе с солдатами.

– А они правы, брат! – рука его, оказавшись на плече Альмигора, отняла у него зной. Прикосновение отозвалось улыбчивой прохладой, сделало дыхание легким и приятным, испепелило усталость, уничтожило боль в левой ноге. – Не стоит облегчать себе путь к прозрению.

– О чем ты, брат?

– Так легко прорваться к истине на широкой спине страдания, попробуй сделать это во время уборки квартиры.

Альмигор с сомнением уставился на Шендара, но не заметил в нем ни насмешки, ни высокомерия. Сомкнув губы, он заставил себя не принимать за мудрость те нелепые слова. Истина об этом мире скрывалась под поверхностью луны армиолов и кроме них только сам

Шендар да другие небесные существа, если наличествовали они, могли претендовать на знание ее. Смертным же оставалось лишь надеяться на то, что в противоречащих друг другу древних книгах имелось все же знание об этом мире и истоках его, причинах и способе его создания, равно как и сотворении человека и прочего живого и того, чем должно завершиться всеобщее то существование. Среди множества церквей и сект почитателей Создателя находились и считавшие, что, освободившись из заточения, он откроет человеку все знание о вселенной и что именно для недопущения того ревнивые армиолы подняли свой возмутительный бунт.

Когда ворота города предстали перед ними, Альмигор замедлил шаг, размышляя и вспоминая. Ему доводилось слышать о возможности подкупить некоторых из стражников, даже если принадлежали они к гатрианской гвардии. С собой он имел все свои накопленные средства, достаточные для четырех месяцев его обычной жизни, но все же сомневался, что сможет убедить солдат отключить на минуту установленный на воротах детектор. Потворствуя армиолам, в ответ на строительство больницы в городе, городской совет пошел на установку того устройства и размещения небольшого гарнизон гвардии, всего две сотни солдат, в случае столкновения с чем— либо, имеющим явно выраженное божественное происхождение обязанных прежде всего отправить сообщение на ближайшую гатрианскую базу.

– Что случилось, брат? – Шендар снял ненужную больше маску, оставив ее болтаться возле шеи.

– Видишь это вздутие на арке? – Альмигор движением глаз указал на требующее внимания место.

Шендар постоял мгновение, после чего, скинув с плеча сумку, одновременно бросил поверх него взгляд за спину.

– Устаревшая модель. Гатрианы не слишком заинтересованы в этом городе.

– Здесь есть только соль и немного лучевой руды. – Альмигор пожал плечами. – Я не знаю, как нам пройти незамеченными.

– Не беспокойся брат. – Шендар улыбнулся словно игрок в мутлариб, уверенный в своей победе. – Я уверен, что мне удастся совершить маленькое чудо.

С этими словами он развернулся и направился прямо к воротам. Альмигор последовал за ним, несмотря на все уже увиденные им чудеса уверенный, что детектор отреагирует на их присутствие. Он видел, как это происходило. Солдат, смотрящий на экран детектора менялся во взгляде, прикасался к устройству на ремне и почти в то же мгновение соратники его появлялись с двух сторон ворот, на ходу заряжая и снимая с предохранителей оружие. Альмигор был уверен, что одновременно с этим отправлялся и сигнал в крепость гатриан, откуда могла быть выслана наблюдающая машина или существо, а при необходимости и несколько воинов со стаями злобных ульнаров. В тот единственный раз, когда он наблюдал действенность детектора, солдатами был задержан великий проповедник Карвинан, надеявшийся, что не привлечет внимания в одеждах потертых и старых, слоями выцветшей серой ткани обматывавших его хрупкое тело, более подобающих неудачливому охотнику на ящериц. На допросах, демонстрировавшихся городскими проекторами, он, смущаясь, удивлялся своей видимости для детектора, ибо не полагал в себе достаточно святости. Глядя на того человека, являвшего собой смиренный покой, на короткую его светлую бороду, гладко выбритый череп, сощуренные в насмешливой уверенности голубые глаза, Альмигор не находил в нем ничего, способного выделить этого мужчину из городской толпы. И все же был он известным проповедником, автором книги, утверждавшей ложь армиолов, уверявшей, что не под силу было им пленить Создателя и что Он, скорее всего, ушел, покинул своих двуличных и склонных к предательству детей и что только для установления власти своей создали армиолы историю о великом пленении. Воистину, святость была в том человеке, подтвержденная гатрианами. Один из них появился вскоре в городе и увез с собой проповедника. Говорили, что был тот казнен в защищенных от любого излучения подземельях гатрианской крепости. Альмигор не верил расска-

зам о пытках и опытах, творимых гатрианами над святыми людьми. Воины те были известны как противники ненужного насилия и везде, где было возможно, старались избежать жертв, если только не шла речь о преданных и не желающих отречься от Создателя поклонниках Его. Сам Альмигор не сомневался в своей неминуемой смерти, доведись ему оказаться в руках гатриан. Отказываться от своих убеждений он не имел намерения, а любую связанную с этим ложь легко различили бы и сами гатрианы и чувствительные их устройства. Допуская, что Карвинана могли некоторое время держать в гатрианской тюрьме с целью изучения возможностей его, Альмигор был почти уверен в последующем уничтожении святого, ведущего теперь, несомненно, полные неизъяснимой мудрости беседы с самим Создателем в радужных садах запретных зеленых земель.

Спокойная уверенность Шендара, невозмутимо продолжавшего начатые им незадолго до того размышления о невыгодности заполнения городских полей амбилором, аосхитила Альмигора и он последовал за небесным посланником, чувствуя в себе больше веры в могущество Создателя, всемогущая, безрассудная решимость, обещающая безбрежное и вечное. Вместе с крестьянами из горных земель, тащивших на себе плетеные корзины с плодами аксимара, едва не задыхаясь от их мускусного аромата, они прошли под аркой, не удостоившись и взгляда со стороны солдат. Альмигор лишь отметил, сколь небрежными выглядели те в покрытых пятнами полурасстегнутых мундирах с закатанными рукавами. Сдвинув на затылок широкополую шляпу, осматривая толпу сквозь сетчатые пустынные очки, один из гвардейцев, которому следовало бы побриться еще неделю назад, склонился над ограждением, кривя губы, посылая плюющиеся, глумливые поцелуи проходившим мимо него полнотелым красавицам.

– Вот видишь. – Шендар рассмеялся. – Я же обещал тебе маленькое чудо.

Оказавшись на улицах родного города, Альмигор ощутил стыд за изуродованные непристойными надписями и рисунками стены покосившихся домов, забитые мусором уличные водостоки и разъярился больше, чем когда— либо на гатриан и установленную ими власть. Стыдно было ему и привести небесного посланника в маленькую его квартирку, где им двоим едва хватило бы места.

– Прости меня, великий. Большого я не могу себе позволить.— опустил глаза, сожалел он, закрыв за собой дверь.

– Не беспокойся брат.— тот положил руку на его плечо. Создатель все видит. Когда мы освободим его, каждого из нас ждет справедливое воздаяние.

– Я слышал, – позднее, когда они сидели за ужином, Альмигор все же решился и позволил прорваться своему любопытству. – Что гатрианы могут засечь вершащиеся на их землях чудеса. Разве не опасно было творить одно из них.

– Никакого чуда не было. – Шендар рассмеялся, откинулся на спинку кресла, затрепавшую и едва не сломавшуюся от того и лишь сделавшую более громким и, как с удивлением отметил Альмигор, более радостным его смех. – У гатриан есть агенты из числа наших предателей, в том числе и имеющие достаточно сильное святое поле. Профили этих агентов внесены в особые списки и на них не реагируют такие детекторы.

– Ты оказался в этих списках?

Он медленно кивнул, отправляя в рот ложку вареного мурта.

– Гатрианскую гвардию очень легко подкупить.

В этой маленькой кухне, где, разместившись вдвоем за столом они касались затылками стен, небесный посланник выглядел обычным усталым путником, голодным и полным дорожных переживаний. Альмигор сомневался в том, нужна ли ему пища, но не посмел отказаться от обычного гостеприимства, предложив все, имевшееся из съестного в его доме. Они сидели, наслаждаясь холодным равнинным вином из деревянных бокалов и в окне, к которому Альмигор был ближе, опускалось за башни поевращенного в ратушу храма обжигавшее его левую щеку солнце.

– Я должен признаться тебе брат, что я почти потерял веру.

– Я не чувствую в тебе этого.

– Как возможно разрушить это? – взглядом он указал за окно, где карабкалась на побледневшее, проявившее уже призрачную Темную Тропу небо прозрачная луна, заточившая в себе Творца. – Разве можем мы сравняться с армиолами?

– Не в силе, – гость его недовольно поморщился, как старый солдат, вновь ощутивший фантомную боль. – Но в мысли. Некоторые из чудес, которые я могу произвести, армиолы не повторят никогда. Мне известно то, чего они не знали и три тысячи лет назад. Сам Создатель открыл мне это, указал на путь к освобождению его. Если мы все сделаем правильно, то не сможем проиграть.

Взглянув на пустую свою тарелку, Альмигор постарался отогнать не утихавший голод.

– Те предатели, о которых ты говорил. – взгляд его не мог покинуть второй луны, к которой присоединилась уже и старшая ее сестра. – Почему они отвернулись от Создателя?

– Они решили, что им открылась истина, тогда как в действительности то была очередная ложь.

– Как же они не распознали ее?

– Тебе известно, – посланник склонился над столом, опираясь на него двумя руками и вынуждая наклониться. – Что есть в этом мире и те, кто считает, что все вокруг нас является результатом естественных процессов?

Альмигор рассмеялся.

– Глупцы! – он фыркнул, протянул руку, положив ее на подлокотник, свесив за окно кисть. По вечерам ему нравилось сидеть так, глядя на небесную клеть, возеоса молитвы Создателю и размышляя о том, что являл собой мир вокруг него. – Но они считают, что им известна истина. Они находят объяснение и наличию Темной Тропы и движению солнца и различию в лунах.

– Безумие! – Альмигор сокрушенно вскинул руки.

– Эти люди родились и прожили всю жизнь на землях гатриан. Они никогда не видели чудес, не чувствовали себя в присутствии Создателя. Что им остается?

Созерцая сидевшего напротив него, Альмигор понимал, что квартира та больше не сможет восприниматься им как раньше. Присутствие в ней небесного посланника превратило ее в подобие одной из тех пещер, где во время Великой Войны скрывались от неожиданно появившейся гатрианской угрозы прославленные проповедники и пророки древности. Сам он не смел сравнить себя с ними, уверенный в случайности и удаче произошедшего, уронившего посланника небес в привидившихся ему координатах. Не принадлежа к тем, кто считает все в мире происходящим по воле создания, ибо звучало то неразумно и множество создавало не имеющих ответа вопросов, он полагал Создателя достаточно мудрым, чтобы позволить творениям его свободу в суждениях и поступках и был уверен в бесчисленном количестве возможностей, доступных каждому в этом мире.

– Нам придется провести поиски. – Шендар с наслаждением отпил травяного настоя, но Альмигор был уверен, что сделал он это лишь в качестве благодарности за гостеприимство. – Собери тех, кому можно доверять. И нам понадобятся карты.

3.

– Они называют это место оазисом, – солдат обвел рукой в черной перчатке изображение, на котором не было ничего, кроме обесцвеченного тысячелетним зноем песка и разорванного в нескольких местах неровного кольца темных скал. – Возможно, когда– то здесь действительно были вода и растительность, но у нас нет таких сведений. Скорее всего, название дано в насмешку.

Гинруман всматривался в представшее перед его глазами, подрагивающее над столом объемное изображение, мозаику из разноцветных дрожащих песчинок, совмещенную с плоскими картами и цифрами, обозначающими температуру воздуха, влажность, напряженность магнитного и святого полей и все прочее, способное повлиять на проведение операции.

– Сомневаюсь. – покачив головой, гатриан опустился в покачнувшийся под ним походный стул, улыбнулся, схватившись рукой за его тонкие ножки, полагая, что было бы неуместно упасть с него в присутствии подчиненных. – Эти выродки редко когда именуют что— либо без смысла. Разумно предполагать наличие пещер или подземных пустот.

– Воздушная разведка ничего не обнаружила. —золотистое бельмо на правом глазу солдата выдавало наличие в его прошлом столкновения с чудесами. – В архиве также не содержится никаких упоминаний кроме того, что еще двести лет назад это место служило стоянкой на одном из торговых путей.

Гинруман ткнул в то место стола, где располагался переключающий режим рисунок и немедля белые, желтые и красные песчинки воспарили из своих расположенных по краям хранилищ, соединяясь с уже трепетавшими в воздухе собратьями.

Нагретый злонравный песок, раскалившийся от презрения к живому камень и ничего более в этом странном образовании посреди забывчивой пустыни, поднявшемся из певучих песков подобно тому, как вздымаются из морей острова. За многие годы охоты на богомольцев, Гинруман побывал в многих удивительных землях, обезображенных волей Создателя и последствиями деяний его и склонен был теперь в любом явлении, не поддававшемся объяснению простому и быстрому, подозревать влияние сил запредельных и неистовых.

В прохладной этой палатке он был единственным из несущих в себе небесную кровь воителей и это расстраивало его. Чувствуя нужду в совете, он едва ли мог довериться, проявить неуверенность свою перед людьми, взиравшими на него с испуганным почтением, почитавшими его самого за существо сверхъестественное и непостижимое.

Вызвав предыдущее изображение, он произвел несколько смерчей в разноцветной пыли над столом, пока она менялась, восстанавливая запомнившееся ей. Две ночи назад пролетавший над пустыней ульнاران отклонился от обычного своего курса, почувствовал вспышку святого излучения и, вернувшись, испражнился изображениями, согласно которым в кольце скал того одряхлевшего оазиса находилось одновременно не менее двух сотен человек с различными верховыми, транспортными и боевыми животными и машинами. Запрос командования пустынных стражей обрел ответ в виде требования к находящимся возле оазиса гатрианам немедленно прибыть на место. Гинруман оказался ближе всех. Еще двое его братьев должны были прибыть через три дня, но командир стражей был уверен, что к тому времени богомольцы покинут оазис и разойдутся по пустыне, где у него не хватит войска выследить и преследовать их или скроются в подземных тоннелях, продолжавшихся, как верили многие, на бесчисленные километры и готовых в течение многих месяцев скрывать прячущихся. Напряжение святого поля постоянно менялось, настораживая гатриана. Немного увеличиваясь к полудню, оно затем спадало, снова возрастало поздним вечером и почти исчезало около полуночи, являя собой незнакомый ему цикл.

Гинруман скрестил руки, сожалея об ограниченности своего арсенала. Будь в его распоряжении отравляющие газы или боевые насекомые, он с легкостью расправился бы с богомольцами даже не приближаясь к ним, лишь выслав несколько обученных ульнаров с соответствующим снаряжением. Когда сообщение было принято им, он направлялся в гатрианский бастион для восполнения и отдыха. Его стая понесла потери, у него оставалось уже мало боеприпасов, да и самому ему требовалось восстановление после двенадцати недель неустанной охоты. В командирской палатке, тяжело вздыхавшей, справляясь с обездвиживающей жарой и теплом от собравшихся в ней мужчин, перед ним предстало не меньше десятка молчаливых офицеров. Молчаливые мужчины в пустынном одеянии неясного, желтовато— белого цвета

глубокими темными морщинами терзали загорелые лица. Чуть более светлой была кожа возле их глаз, где она чаще всего прикрыта была солнцезащитными очками. Короткие их волосы, спутавшиеся, слипшиеся от пота и крови, присыпанные песком и грязью, одинаковый имели пыльный оттенок, снаряжение их ко множеству принадлежало моделей, включая и разработанные не одну сотню лет назад, но за время то приобретшие признание механизмов надежных и неприхотливых. Один из командиров, отличавшийся редкой рыжеватой бородой, задумчиво рассматривал изображение оазиса, неторопливо подкармливая свое оружие, согнувшееся над его плечом так, чтобы хозяину было удобно швырять один за другим куски отламываемого его мозолистыми грязными пальцами желтоватого корма в синезубую пасть. Сфинктер твари изгибался, подрагивая, над двумя фасеточными глазами, способными, вероятнее всего, видеть в темноте и от взгляда на нее Гинруман ощущал раздражающую дрожь, намекавшую на мерзостное происхождение того создания. Наслаждаясь прохладой палатки, воины все же готовы были в любое мгновение покинуть ее, вернуться в палящую ненависть пустыни, как только гатриан прикажет им то и взирали на него с терпеливым почтением несколько насмешливого свойства, словно были уверены в превосходстве над ним уже благодаря людской сути своей, не имеющей примеси чужеродной крови, избежавшей изменений, пребывающей вне доступа к технологиям и возможностям армиолов.

– Я думаю, мы должны атаковать немедленно. – рыжебородый швырнул еще кусок корма своей твари, похожей на использовавшихся войсками Создателя в Великой Войне и, скорее всего, являвшейся потомком их. – У нас достаточно сил. Мы можем окружить их. Если они намереваются провести ритуал, мы должны его остановить.

– Наши войска будут рассеяны тонкой цепью. – укололицый воин с длинным ровным шрамом на лбу, шедшим к переносице, пересекая морщины, поморщился, поглаживая рукоять короткого меча.

Даже усиленные остатками стаи, доступные Гинруману силы едва ли насчитывали сотню боевых единиц при почти полном отсутствии тяжелого вооружения. Неизвестность относительно того, чем могли обладать богомольцы, тяготила гатриана, тоскливо взиравшего на яркие и крупные пятна теплового излучения, способные быть как тягловыми животными, так и мощными боевыми зверьми. Однажды он был вынужден отступить, потеряв почти всю свою стаю и человеческих солдат, когда богомольцы выставили против него найденных ими на зараженных кровью Создателя землях существ, мечтавших вкусить крови армиолов, пусть и в гатрианской ее ослабленной разновидности.

– Мы выдвинемся и займем позицию вокруг оазиса. – Гинруман вернул изображение к видимому его предпочтению. – Разведывательная группа выдвинется с целью выяснить обстановку. В случае обнаружения превосходящих сил противника, группа отступит и мы займем оборону, ожидая подкрепление.

Одобрительно кивая, солдаты покинули палатку, обходя отдыхавших в ней ульнаров и, когда последний из воинов задернул за собой похотливо вцепившийся в собственные края полог, гатриан глубоко вдохнул и закрыл глаза, позволяя себе мгновение прохладного покоя. В утробе Солнцегона он не чувствовал особой жары, ульнаракс обладал способностью к изменениям, требуемым от него внешними условиями. Стоило ему оказаться в пустыне, как он сбросил шерсть и сделал кожу матово— черной. Уши его увеличились, над глазами появились прикрывающие их наросты, подушечки лап стали более плоскими и размер их вдвое превосходил теперь прежний. Схожие перемены произошли и с прочими существами стаи, способными теперь, насытившись и немного отдохнув в этом лагере, провести в пустыне не менее двух недель, прежде чем истощатся их запасы и снизятся ловкость и агрессивность. Возможности их адаптации хоть и были велики, но все же не подразумевали долгого пребывания в подобных условиях без подпитки и Гинруман надеялся лишь на то, что, по завершении операции, его братья помогут ему как можно скорее добраться до ближайшей крепости.

Лежавший возле входа в палатку ульнар поднялся, довольно рыча, чувствуя изменения в хозяине, означавшие приближавшуюся битву. И без того поджарое его тело, усеянное шрамами, потянулось, выставив мускулистые лапы, выпустив черные когти, оставляя на бледном полу палатки волнистый воспаленный след. Правое его ухо было почти оторвано в недавней битве и не успел еще зажить. Этого ульнара Гинруман помнил и особенно чтит, хотя и не дошел еще до уподобления некоторым братьям, дававшим имена существам стаи. Хищник тот следовал за Гинруманом уже несколько лет, отличившись в битвах и заслужив тем самым многократное клонирование, не показавшее, впрочем, особой эффективности в его полных подобию, как то обычно и происходило. Подойдя к хозяину, чуть прихрамывая на заднюю правую лапу, поврежденную во время недавней схватки с раздобывшей гатрианское вооружение сектой богомольцев, ульнар подставил под его руку широкую свою голову. За многие годы Гинруман сменил сотни охотников своей стаи, благоразумно избегая привязываться к кому— либо из них, не совершая ошибки, допускаемой его соратниками.

Изображение подрагивало вместе с тем, как некоторые песчинки осыпались, а другие, тревожимые движениями воздуха из пор палатки и дыханием ульнаров, сдвигались со своих мест, воспаряли к потолку, терялись в смешении пыльных течений. Завороженный, Гинруман наблюдал за ними, пытаясь увидеть в каменном кольце скал скрываемое, чувствуя в нем некое неведомое ему назначение, опасное и неприглядное. Благодаря текущей в нем крови армиолов, он уставал меньше людей, раны его затягивались быстрее, зрение, слух и обоняние превосходили человеческие, но многие месяцы путешествий и сражений сказывались и на нем. Короткого отдыха было бы достаточно его разуму для обнаружения скрытого, но он все же не мог позволить себе промедления.

Для своей стаи он выбрал северное направление, где имелся разрыв между скалами, слишком узкий для боевых машин и была велика опасность засады, увернуться от которой, обойти и преодолеть которую было больше возможности у ловких и юрких ульнаров, чем у тяжелых боевых машин.

А они неслись по пустыне, взрывая ее сухую плоть широкими колесами, они поводили вокруг длинными дулами пушек, выискивая цель в искрящемся от жары воздухе.

Скрывшись в обволакивающем теле Солнцегона, Гинруман вслушивался в переговоры соратников своих, почти не участвуя в них, лишь время от времени корректируя их движение ради одновременного приближения к цели, наблюдая за ними посредством кружащегося над оазисом ульнарана. Всего таких птиц в небе было три, но только одна из них была вооружена и потому мало чем могли они помочь в сражении. Время от времени Гинруман обращался к одной из них, бросая взгляд на оазис, не замечая в нем ни движения, ни изменений в тепловом или святом излучении. Гинруман упрекал себя за слишком долгое промедление. Неизвестные богомольцы могли уже покинуть оазис, используя для этого средства и способы, оставшиеся незамеченными, достигнув напряжения святого поля, позволившего им совершить чудо.

По волнению в стае он почувствовал приближение к цели и, взглянув на нее глазами ульнаракса, отметил повторяющуюся неоднородность в темных, коричневато— серых скалах, возникших на горизонте в суетливом мареве, слишком расплывчатых и несостоятельных в качестве миража, выдававших реальность существования своего несовпадением ни с одним из возможных мечтаний. На расстоянии почти равном в поверхности тех скал он видел неясные провалы, схожие в размерах, но различающиеся формой, неясно округлые, составляющие ровные ряды, подобные сотам или ячейкам, удобным для размещения любого оружия. Некоторые из тех провалов имели стены, другие же открывали за собой еще более глубокие пустоты, не просматривавшиеся и способные таить в себе неведомую угрозу. Не отмечая увеличения святого поля или температурных всплесков, он все же чувствовал таящихся в лакунах тех врагов, вспоминая множество хитроумных способов, устройств и существ, при помощи которых богомольцы скрывали различные типы излучения, используя нередко нечто, не имев-

шее упоминаний о себе в архивах армиолов. Ему доводилось видеть одежды из кожи гатриан, скрывавшие святое излучение, стаи рептилий, подобных ульнараксам, спрятавшись в которых богомольцы путешествовали незамеченными на протяжении месяцев и многое другое, удивлявшее даже его. Сколь бы ни путешествовал он по землям Создателя, поклонники того существа неизменно восхищали его, оставаясь непредсказуемо опасными, представляя неизменную и требующую уважительного отношения к себе угрозу. Потребовав от стаи большей бдительности, замедлив ее продвижение, он снизил одного из безоружных ульнранов, заставив его пролететь над самыми скалами, представлявшими собой мечтавшую стать плоской поверхность, тревожимую лишь немногими неровными наростами, неясными пиками желтовато— коричневого камня, принявшего в себя вкрапления светло— серого, пятна голубовато— зеленого, всполохи тусклого золота, оставлявшие неизвестным происхождение свое, но ничем не выдававшие возможностей таившегося в них.

Приближавшаяся к оазису с востока группа достигла цели быстрее прочих, о чем немедленно сообщил ее командир. Гинруман отдал приказ занять оборону, особое внимание уделяя пустотам в скалах, считая их удобным местом для засады, спрятавшихся снайперов, скрытых огневых точек или источников других, неведомых, неопределимых воздействий. Приблизившись к скалам настолько, чтобы нескольких мгновений было достаточно ульнару для достижения их, он остановился и сам, ожидая, когда все остальные займут свои позиции, продолжая рассматривать соты скальных провалов, не наблюдая в них изменения.

Получив сигнал от последней группы, он направил их вперед и почти одновременно гатрианская стая и четыре отряда гвардии ворвались в оазис, встретивший их пустотой, не имевшей запаха, насторожившей и ульнранов и Солнцегона, пославшего предупреждение своему хозяину. Там, где нет запаха, нет жизни. Величайшие чудеса так далеки от нее, что редко когда источают зловоние, в исключительных случаях предпочитая скрываться за немыслимой сладости ароматами, приятными более всех цветов и благовоний, порождающими удивительные видения, избавляющими от боли, успокаивающими разум и отнимающими его.

Первая группа заняла позицию в центре оазиса. Солдаты окружили боевые машины, длинными дулами винтовок осматривая скалы. Башни медленно вращались, готовые открыть огонь в ответ на любое движение.

Вторая группа рассредоточилась по внутреннему периметру, еще одна окружила оазис снаружи, последняя же не покидала своих машин, оставаясь резервом для Гинрумана.

Ульнары металась между солдатами, подпрыгивали, принохиваясь, волнуясь, чувствуя неведомое. Напряжение святого поля, чуть более высокое в этих землях, время от времени увеличивалось, тут же опадая, выдавая или действие сильных подавителей или же наличие чудотворных предметов, устройств и существ. На середине высоты скал имелось в них три распределенных в равенстве частей неровных кольца, выглядевших чужеродными и чуть менее древними. Желтовато— зеленый их металл потускнел от времени, никаких писем или знаков не было на них и было невозможно сказать, что являли они собой когда— то. Нечто подобное Гинруману доводилось видеть на севере, где огромные кольца являли собой руины храмов, построенных задолго до Заточения, представляя собой примитивные формы, превратившиеся позднее в Сторукое Солнце, а иногда и являвшиеся непосредственными воплощениями его, утратившими от времени конечности, нередко обнаруживавшиеся залегающими поблизости.

— Господин, мы нашли проход. — командир второй группы воткнул метку в пространство и Солнецгон ответил на нее, развернувшись резким и плавным прыжком, доставив Гинрумана к солдатам в серовато— желтых доспехах, собравшимся возле прямоугольного пролома, обвалившегося, утратившего углы, рассыпавшего, ставшего началом для бесчисленных трещин. Темнота его дышала в нос Солнецгону безупречным холодом и ноздри хищника расширились, учуяв растворенную в нем святость, подавленную, прикрытую, сжатую, оставшуюся бы незамеченной имевшимися у гвардии устройствами.

Спина ульнаркса раскрылась, выпуская Гинрумана, выталкивая его твердыми и гладкими отростками и он выпрыгнул из теплого чрева в выжигающий кости морок пустыни. Немедля оказался возле него ульнар, кружась, подпрыгивая, предлагая оружие, хранившееся в футлярах на его спине. Прикосновением к одному из них он заставил короткоствольный автомат выпрыгнуть ему в руки, выдернул прозрачный магазин, встряхнул наполнявшую его голубоватую вязкую жидкость, вернул его на место, снял оружие с предохранителя, передвинул затвор, убедившись в том, что за время безгласного покоя оно сохранило убийственные способности свои.

Один из воинов выдвинулся к нему, обманчиво грузный в белесых пластинах брони. По оружию в его руках Гинруман опознал рыжебородого, скрывшего теперь лицо под сплошным шлемом.

– Мы обнаружили три входа. Там настоящий лабиринт. – вибриссы на оружии солдата нервно подергивались, отвечая на возбуждение хозяина.

Он пустил внутрь шестерых ульнаров, по два в каждый из найденных тоннелей, на каждом вдохе переключаясь между ними и сожалея о неспособности своей к имевшемуся у некоторых его братьев, разрушающему сознание умению разделять свое внимание на несколько существ одновременно.

Высота, ширина и форма тоннелей обладали поразительным сходством, окончательно убедившим Гинрумана в искусственном их происхождении. Тишина принимала в себя лишь шорох длиннотелых насекомых, торопливо проползавших из одной трещины в другую, змеиный невнятный шепот, возмущенный треск рептилий и тревожный скрип камня случайно подвернувшегося под четырехпалую лапу ульнара. Тоннели то уходили вниз, то резко поворачивали в стороны, заканчивались обвалами и тупиками. Звери продвигались неторопливо и методично. Наличие среди использованных для их создания животных грызунов позволяло им ориентироваться в пространстве лучше, чем самому Гинруману. Время от времени твари прикасались к стенам, вздергивали короткие хвосты, оставляя пахучие метки, обозначающие выбранное на перекрестках направление, что в иной ситуации гатриан счел бы неуместным и выдающим их присутствие, но здесь позволяя и допуская. Прошло достаточно много времени, прежде чем один из карнов остановился, призывая к себе все внимание хозяина. Отвлечшись от остальной стаи, Гинруман сосредоточился на том звере, замершем, наполнившем тело свое боевыми флюидами, приготовившимся к сражению. Но все вокруг было спокойным и тихим. Существо прижималось к стене перед ее поворотом в левую сторону, ничем не отличавшимся от сотен прочих, замеченных Гинруманом. Ему пришлось подождать несколько вдохов, прежде чем взор ульнара на мгновение затянуло золотистое сияние.

– Богомольцы! – Гинруман вернул себе собственное зрение, отдал команду лежавшим возле его ног пяти ульнарам и вслед за ними бросился в каменные глубины. Рыжебородый, выкрикнув приказы своим солдатам, присоединился к гатриану.

В этой прохладной, сдавленной, терпкой, мягкой темноте, Гинруману пришлось воспользоваться звуковым излучателем, скрытым в его черепе. Последний раз он применял тот орган много лет назад, но регулярные обследования подтверждали сохранность его здоровым и нормально функционирующим. Каждый раз после того, как приходилось ему напрягать ту свою гатрианскую возможность, у него нестерпимо, вплоть до потери сознания болела голова, но лекари армиолов утверждали, что происходит то именно по причине редкости использования органа и не проявляет собой ничего вредоносного.

Теперь, вслушиваясь в отклики источника им звука, он мог поспевать за ульнарами и последний из них перестал оборачиваться на хозяина. Шлем гвардейца должен был содержать устройства, позволявшие ему видеть в темноте и почти не отставать от гатриана.

Две отправленные им ранее группы ульнаров уже сходились к заметившей напряжение святого поля, разбрасываемые солдатами передатчики позволяли им не только поддерживать

связь в каменных коридорах, но и создавать более точную карту их, передавая ее на боевой планшет Гинрумана. Одним взглядом на нее, зеленоватым свечением растекшуюся по гибкой, подрагивающей от волнения мембране на его правом запястье, он понял повторяющуюся структуру внутренних пустот. Длинные коридоры, по обе стороны сдавленные скоплением прямоугольных комнат, лишь изредка прерывались круглыми, овальными, квадратными залами. Шахты и проемы, проходившие сквозь многие уровни лабиринта, перемежались с лестницами, а в некоторых местах солдаты, не опасавшиеся уже использовать фонари, обнаруживали статуи, колонны, вазы и мебель, свидетельствовавшие о некогда обитавшем здесь исчисляемым тысячами племени. Взглянув на те картины, Гинруман пообещал себе рассмотреть их подробнее по окончании штурма, а позднее направить сюда исследовательскую экспедицию с целью установить, не являлся ли в прошлом оазис местом культа и, если таковым он и был, уничтожить его.

Солдаты встретились с противником первыми. В широком коридоре, плавно опускавшемся, но имевшем следы сточенных временем ступеней, гвардейцы были встречены огнем из огнестрельного оружия. Двое из них упали, остальные укрылись за камнями и отстреливались, опасаясь использовать гранаты, зажмуривая глаза от серебристых вспышек, отвечая руганью на крики и молитвенный шепот противника. Нуждаясь в непосредственном наблюдении, Гинруман отправил к ним одного из ульнаров, скользкой тенью исчезнувшего в недоверчивой тьме.

Стая замедлилась, шерсть на загривке зверей поднялась, а сами они напряглись и Гинруман почувствовал, как на самом краю его зрения возникает неясное золотистое мерцание, туманная аура, волнующая, вторгающаяся в его разум возмущенной силой, размягчающей мысли, несущая с собой отзвуки незнакомых, соблазняющих, обещающих великий покой слов, призраки безупречных видений, воспоминания о погибших, иллюзии вдохновенных мечтаний.

Опасаясь выдать себя, Гинруман прекратил использовать звуковой излучатель, переключившись на ульнаров, несших в телах своих больше удивительных органов, чем могло позволить себе человеческое тело, пусть даже и принявшее в себя частичку крови армиолов. Зверь, на которого переключился гатриан, был обеспокоен ощущениями в его боках, выдававшими наличие поблизости сильного электрического или электромагнитного поля. Припадая к полу, он повернул за угол, поднялся по нескольким просторным ступеням и глаза его уловили мерцающий, тоскливый, неясный свет.

Приказав ульнару остановиться, Гинруман вскоре уже был возле него вместе с пятью его собратьями, рыжебородым воином и тремя гвардейцами. Сияние имело искусственное происхождение, но слабость святого поля указывала или на незначительное количество богомольцев или на использование ими подавляющих излучение устройств. Подобная технология могла означать и наличие у них соответствующего вооружения, принуждая к величайшей осторожности.

Направив вперед двух ульнаров, прижимавшихся к камню, вздыбивших короткие хвосты, пробиравшихся вперед с плавностью заметившего беспомощную добычу голодного хищника, Гинруман, приседая, переползал со ступени на ступень, недовольно морщась от треска брони гвардейцев, едва различимого, но все же несравнимого с неслышным перемещением его стаи.

Прижав уши, ульнар выглянул из— за верхней ступени и Гинруман увидел его глазами узкую арку, прорезанную в серой каменной стене, еще сохранившей с трудом различные борозды между составлявшими ее валунами. Синеватый свет исходил из арки, позволяя видеть силуэты стоявших в ней стражников, один из которых сидел на полу с устроившимся между его ногами массивным орудием. Золотое сияние затопило взгляд ульнара. Сородич его занял позицию с другой стороны и Гинруман отдал команду.

Звери одновременно бросились вперед, а сам гатриан вскочил, выпуская очередь. Солдат, чьи руки лежали на крупнокалиберном оружии упал назад, отброшенный точным попаданием, пробившим его угловатый шлем. Приблизившийся с левой стороны ульнар оказался более быстрым. Поскальзываясь на камне мощными лапами, он совершил резкий поворот и прыгнул, открывая черную пасть с ядоносными клыками, покрытыми зеленоватым налетом.

Оказавшись под аркой, зверь вспыхнул, не успев даже взвыть, рассыпался от носа до хвоста золотистой пылью, несомый неостановимым прыжком, исчез, столкнувшись с незримым всесжигающим препятствием. Второй из ульнаров успел изменить направление движения, выставив перед собой вытянутые передние лапы, извернулся, отпрыгивая, посылая тревожные сигналы хозяину, умоляя простить его за невыполнение приказа, поскуливающее рыча, ожидая новых команд.

Стало переливчатым золотом зрение Гинрумана.

Гвардейцы уже рванулись вперед, стреляя и крича. Командир их прикоснулся к коричневому когтю, выступавшему на нижней части его оружия и оно с рвотным всхлипом исторгло из себя яйцо, влажную, вытянутую желтоватую икринку, полупрозрачно — маслянистую, пролетевшую над припавшим к камню ульнаром и ударившуюся в забрало стоявшего с левой стороны богомольца, что — то кричавшего, указывавшего вперед. Соратник его уже вскинул свое оружие и стрелял, отчего в синюю вспышку превращалось дуло и крошился серебристыми искрами камень над головами гвардейцев.

Разбившись о забрало, икринка, расплавляя, растеклась по нему, и богомалец упал, роняя оружие, истошно крича, пытаясь содрать с головы массивный шлем.

Подозвав к себе несущего амуницию ульнара, Гинруман открыл кожаную сумку на левом боку зверя и достал из ее кармана три черных шарика, заполненный чешуйками кожи святых чудовищ. Не глядя, он швырнул их в сторону арки. Две первых золотых вспышки ослепляющим пламенем растеклись по камню, счищая с него остатки древних узоров, третья же последовала лишь через несколько секунд.

Граната богомольцев загремела по ступеням. Рыжебородый подхватил ее матовый синий шар и швырнул его обратно, едва не угодив при этом в метнувшегося прочь от арки ульнара.

Осколки камня, принесенные взрывом, осыпались на голову, плечи и спину Гинрумана, согнувшегося, припавшего к ступени, от которой до арки было лишь два ее подобия. Один из ульнаров лежал слева от него, хрипя и судорожно шевеля лапами. Правая половина его головы стала смещением обгоревшей плоти, обломков кости, темного мозга, обрывков мышц, белесых и черных вкраплений, обливаемых густой кровью. Выстрел Гинрумана успокоил достойного зверя, а сам гатриан уже посылал уцелевших вперед, чувствуя приближение остальной стаи.

Рыжебородый занял позицию справа от входа в арку, двое его солдат прижимались к камню с другой стороны, оставляя сапогами глубокие следы в золотистой пыли.

Уже пришла и головная боль. Среди редко используемых возможностей Гинрумана была и способность выделить естественное обезболивающее, накопленное, вызывавшее к себе также, как девственница манит распутника. Одно незначительное напряжение, равное согнутому мизинцу, наполнило бы кровь очищающим веществом, но от этого пусть и немного, но все же замедлились бы движения его и ухудшился контроль над стаей и потому предпочитал он несомую болью слабость.

Сорвав с пояса тонкий цилиндр гранаты, офицер выдернул из нее запальный стержень и швырнул ее в арку. Взрыв вышвырнул из нее изуродованный, смятый, свитый в новую невразумительную конструкцию металл, бывший некогда тяжелым оружием и обрывки тел богомольцев, разбрасывающие вокруг зараженную святостью кровь, скорбно шипевшую при соприкосновении с золотой пылью.

Рыжебородый бросился вперед, Гинруман послал двух ульнаров охранять его, пропустил перед собой еще одного солдата и только тогда пересек арку, слышал за собой грохот и крики приближающихся гвардейцев, чувствуя мускусную ярость своих зверей, разъяренных тем, что ему пришлось сражаться без них.

В пещере было светло от воткнувшихся в потолок сферических ламп. Смятый сторукий диск лежат возле стены, сброшенный с креплений на ней, придавивший и едва не разрезавший напополам тело оказавшегося под ним богомольца.

Усмехнувшись, Гинруман напомнил себе их пословицу о неотвратимости и безмерности гнева Создателя.

Насчитав пятерых богомольцев, погибших в той пещере, растерших кровь и внутренности по ровным ее стенам, он плюнул в позолоченный диск, кивнул в ответ на призыв офицера и побежал за ним и тремя ульнарами по узкому коридору, из которого тянуло маслянистой прохладой. В нескольких местах лабиринта солдаты вступили в схватку с противником, признавая за ним большее количество, но неопытность в обращении с оружием, установке ловушек и подготовке засад.

Много раз ульнары предупреждали хозяина о расставленных в коридоре минах, натянутых тросах, спрятанных в камне святынях и с помощью гвардейцев он обезвреживал те ловушки. Другим солдатам приходилось тяжелее. Наталкиваясь на святые поля, они могли нейтрализовать их только убийством богомольцев и разрушением их алтарей, превращавшимся в затяжные перестрелки из— за укрытий. Несколько коридоров обрушилось от взрывов гранат, погребая под собой и гвардейцев и поклонников Создателя. Три ульнара погибли, еще два были ранены и получили от Гинрумана команду вернуться на поверхность. Несмотря на потери, гвардейцы продвигались вперед, теснили богомольцев, вынуждая их отступать и, наблюдая за тем на карте, гатриан заметил нечто, показавшееся ему неприятным и подозрительным. Отозвав офицера, он трижды ткнул в карту и вопросительно посмотрел на него.

– Ты прав. Это спланированное отступление. – рыжебородый махнул рукой, подзывая к себе солдата, несшего устройства для связи и усилители, обвешанного дисками маячков и ретрансляторов.

Поскуливая, ульнары остановились, переступая с лапы на лапу, перед очередным препятствием, потребовавшим от Гинрумана осторожного вмешательства и пока он обезвреживал ловушку, выпустив из стальной коробки серебристых кислотных жуков, офицер отправлял предупреждения остальным группам, медленно продвигавшимся в постоянном сражении с упорным противником.

Вытащив свою карту, рыжебородый указал на нее Гинруману.

– Здесь они почти. – закончить свои слова он не сумел.

Все пространство вокруг них сотряслось, куски камня посыпались на их головы, воздух наполнился горькой пылью. Гинруман упал, ударился о стену, выронил из рук оружие, теряясь в туманном содрогании, закашлявшись, выплевывая хрустящую ярость. Вокруг него немедленно собрались ульнары, рычащие, прижимающиеся к полу, вздыбившие хвосты. От стены напротив гатриана отвалился крупный кусок, придавивший одного из солдат, обнаруживший за собой полость, заполненную окаменевшими, рассыпавшимися, сплавившимися, обвисшими трубами, что Гинруман отметил для последующего изучения, уверенный в принадлежности их к механизмам времен божественного правления.

Переключаясь между ульнарами, неспособный связаться с некоторыми из них, чему могли быть причиной как вызванные пещерами помехи, так и святое излучение, Гинруман одновременно вытянул планшет, не получая достаточно информации и увидел, как исчезло одно из скоплений противника, а вместе с ним и метки его собственных солдат, оставив после себя суетливую темноту. Потери были велики, но штурм продолжался. Поступали доклады

о втором скоплении противника, занявшем одну из больших пещер, где уже было обезврежено два заряда взрывчатых веществ.

Рыжебородый подобрался к Гинруману, проверявшему свое оружие. На левой щеке воина глубокий кровоточил порез, угрожая новым шрамом, широкий лоскут кожи был содран со лба.

— Продвигаемся. — гвардеец кивнул, махнул своим солдатам, крикнул им нечто ободряющее— грубое, неразличимое уже для гатриана, бросившегося вперед в сопровождении стаи.

Тоннели слегка расширились и ульнары почувствовали себя свободнее. Холодящие травяные запахи стали ощутимы и для человеческого носа, хищники же пришли от них в сдерживаемое лишь волей Гинрумана волнение. Хвосты их распушились, поднялись и загнулись, подрагивая, трепеща, выражая крайнее возбуждение близостью противника.

На перекрестках тоннелей, сходящихся ровными углами и подтверждавших тем подзрения в искусственном их происхождении, мелькали золотистые тени, но шедшие впереди ульнары не реагировали на них, позволяя признать остаточным явлением. Вспыхивавшие перед взглядом Гинрумана искры уверяли в высокой концентрации святого поля, рассеянном излучении, производимом источником высокой мощности. Будучи достаточно опытным в определении, Гинруман был уверен в наличии поблизости реликта времен до Войны Заточения. Исходя из насыщенности излучения и его пульсации, он должен был оказаться или накопителем святого поля, которые богомольцы научились использовать в качестве оружия или обнаруженными в пустыне останками некоего великого воина— чудотворца, сражавшегося в древние времена на стороне Создателя.

Очередной перекресток проявил требуемое направление восторгом прохладного воздуха, оглушающего пряными, скребущими горло ароматами пугливых благовоний, сладостью белесого свечения, трепетом обреченных голосов. Прижимаясь к стенам, солдаты осторожно продвигались, тогда как ульнары, менее осторожные и более быстрые, взволнованно вздымающие головы, напрягшие густые короткие гривы, не боялись выйти и на середину тоннеля, присыпанного обломками потолка, едва слышно подвывая от близости врага, возбужденные золотистым блеском, рассыпанным в воздухе ядовитой пылью.

Всплески золота оставили глубокие кратеры в камне возле лап шедшего первым ульнара. Отпрыгнув к стене, он тряхнул головой и зарычал, но медлительный собрат его был менее удачлив и в следующее мгновение рухнул, рассыпая превратившийся в золотую пыль череп. Арсенал оружия богомольцев впечатлил Гинрумана. Давно уже не доводилось ему встречаться со столь хорошо оснащенным противником и на мгновение мысль об отступлении заволокла разум. Армиолы учили, что любой маневр должен быть осуществлен, если представляет собой преимущество. Выполненная задача, уничтоженный противник, сохраненные ресурсы и боевые единицы имели большее значение, чем проявленная горделивая доблесть, в особенности, если рассуждать о ней приходилось после смерти храбреца. Бездумная трата ресурсов в отчаянной попытке превзойти противника вызывала большее осуждение гатрианских командиров, чем осторожное отступление, но потеря времени привела бы к бегству богомольцев либо позволила им воспользуются имеющимся у них оружием. В обоих случаях они, вероятнее всего, использовали бы некое чудодейственное средство, чего не следовало допустить.

Гвардейцы открыли ответный огонь. Гинруман вскинул оружие, но враг оставался невидимым для него за поворотом тоннеля и потому он медленно двигался вперед, наблюдая за ульнарами, переключаясь с одного на другой, чувствуя, как приближаются к нему, волнуясь за хозяина и вожака своего, отставшие члены стаи.

Золотая волна ударила его в левое плечо, сбивая с ног, искристая тень метнулась прочь, но один из ульнаров мягким прыжком настиг ее, ударом черных когтей вспоров человеку горло. Сдернув дымящийся наплечник, поводя рукой, убеждаясь, что она сохранила подвижность

и не лишилась прочих свойств, Гинруман приблизился к захлебывающемуся пенящейся кровью богомольцу.

Юноша в одеянии пустычника, поношенном и грязном, носил из брони только нагрудную серую пластину с гравировкой сторукого солнца. Убивший богомольца ульнар стоял поблизости, пригнувшись к стрелявшему в его жоака оружию, имевшему решетчатый приклад и короткий трубчатый выступ на месте дула, завершавшийся стальной диафрагмой. Ногой оттолкнув излучатель, Гинруман переключился на покорного ему хищника, но юноша, пенистой кровью покрывший губы, был обычным человеком, лишь на окраине глаз принявшим золотистый отблеск фанатичной веры.

Наличие у богомольцев такого оружия смутило гатриана, утверждая их возможности более значительными, чем предполагалось. Гинруман указал на излучатель одному из солдат, тот подхватил оружие и повесил его за спину. Взглянув на рыжебородого, гатриан взмахнул рукой вглубь тоннелей, воин согласно кивнул и, отправив перед собой пятерых ульнаров, сопровождаемые двумя десятками солдат, они двинулись в искрящуюся золотом темноту.

С каждым шагом он чувствовал себя приближающимся к возмутительному напряжению, болезненному нарыву, пульсация которого отдавалась в его висках и затылке. Пока он не приказал ульнарам вести себя спокойнее, они неустанно подавали сигналы беспокойства, уверяя хозяина в наличии перед ними опасности, превосходящей их силу.

Глухой грохот, тяжелый, осыпавший потолок, проявил первую из мин, вспыхнувшую серебристым сиянием, убившую одного из солдат. Ульнары ловко перепрыгивали спрятанные под нагромождением камней и обломков мины, выдававшие себя Гинруману едва различимым золотистым блеском и он приказал солдатам следовать за ним и его зверями, осторожно обходя ловушки, опасаясь их особо чувствительными к его крови.

Высочивший за поворот очередного перекрестка ульнар натолкнулся на огонь богомольцев, отбросивший животное на пол, скулящее, разбрызгивающее попавшую на лицо его хозяина кровь. Прижавшись спиной к теплой стене, Гинруман припал к полу, осторожно выглянул и тут же отпрянул назад. Перегороженный сваленными ящиками со снаряжением, тоннель завершался мерцающим проломом, за которым гатриан чувствовал пространство угрожающей пустоты. Скорострельное оружие, установленное на высокой платформе, прикрытое высокой овальной пластиной, извергло еще одну длинную очередь, расколовшую камень стены.

Гинруман собрал возле себя восемь ульнаров, вслушался в торопившихся к нему зверей, заблудившихся в бесконечных разветвлениях и зловонных тупиках, внял нарастающему напряжению, исходящему из враждебной лакуны и счел ожидание невозможным. Выбрав одного из зверей, он отдал ему неслышную команду. Мгновение ульнар пребывал в дрожащей неподвижности, а затем спазмы ворвались в его тело и густой белесый дым потек из пасти и ноздрей. Глаза животного закатились, тело содрогалось, широко расставив трясущиеся лапы и Гинруман в очередной раз пожалел об отсутствии у гвардейцев защитных средств и невозможности использовать отравляющие способности его зверей.

Дым медленно заполнял коридор и в ответ на его появление яростные ругательства донеслись со стороны богомольцев, стрелявших теперь длинными очередями, перемещавшихся от стены к стене в надежде зацепить наступающего под прикрытием завесы противника.

Извергавший дым ульнар безвольно упал, Гинруман оттащил его к стене, а рыжебородый уже стоял рядом с ним, опустив к полу морду своего оружия, осторожно выглядывая из — за угла. Кивнув гатриану, он лег и неторопливо пополз к богомольцам. Трое его солдат молча последовали за ним, Гинруман же приветствовал легкими касаниями к холкам двух подоспевших к нему ульнаров, позволил им отдохнуть, отправляя трех других за солдатами. Богомольцы кричали угрозы и проклятия, но не имели гранат, что и позволило гвардейцам преуспеть. Гинруман видел взором одного из ульнаров, как командира гвардейцев ранило в левую руку, но он все же добрался до выстроенной почитателями Создателя баррикады, на мгно-

вание остановился, прислонившись к ней спиной и переводя дух, а затем сделал несколько бесшумных точных выстрелов и тут же перепрыгнул через преграду, увлекая за собой единственного выжившего солдата и двух ульнаров. Гинруман уже и сам бежал на помощь, сопровождаемый шестью зверями, но все было закончено без него. Шестеро мертвых богомольцев, лежали поверх черных гильз в вязкой пыли и трое излили кровь из разорванного горла.

Пещера, вход в которую охраняли они, золотистым многоруким солнцем уподобилась уже посещенной Гинруманом, но здесь посреди тщательно выровненного пола имелось круглое возвышение из белого камня, изрезанное угловатыми символами, опознанными Гинруманом относящимися к древним культам, возникшим вскоре после Великого Заточения, ярко освещенное укрепленными на стенах лампами, тянущее провода и источающие дымное зловоние трубы к столпившимся возле стен машинами, подрагивающим, томно гудящим, источающим волнующую, завораживающую пульсацию.

На возвышении том Гинруман увидел человеческую фигуру, облаченную в массивный красный костюм с уродливыми распухшими перчатками на руках и громоздкими ботинками. Трое прислужников помогали ему укрепить на круглом золотистом ободе воротника ребристый шлем с темным забралом. В ответ на шум со стороны единственного входа в пещеру, он повернулся и Гинруман узрел его узкое, бледное лицо, от вида которого золотая ярость оплела взор гатриана, спокойные глаза, переменчивым блеском вобравшие в себя безумие второй луны, спиральную ярость потерянной пустоты. Не сомневаясь в присутствии перед ним существа могущественного и опасного, великого чудотворца, пришедшего из времен далеких и ненадежных. Дотронувшись до плеча рыжебородого, Гинруман указал на богомольцев, покачал головой, заставил ульнаров встать перед собой. Гвардеец кивнул, отступил к каменной неровной стене.

Ульнары бросились вперед, оскалив клыки. По двое с каждой стороны, прижимаясь к стенам, еще двое перед своим хозяином, сосредоточившимся на существе в красном одеянии, подобном тому, какое использовали его соратники из расположенного на второй луне гарнизона.

Прислужники его торопились, бросая взгляды на приближавшихся к ним ульнаров. Опустив глухо щелкнувший шлем, они бросились к машинам, но один из них был перехвачен вцепившимся в его правую руку зверем, а другого ульнар сбил с ног и вонзился клыками в горло, разрывая высокий ворот черных одежд. Четверо таившихся у дальней стены богомольцев открыли огонь, пробив череп одного из ульнаров, выплеснувший черный мозг на присыпанные песком и пылью каменные пластины. Меткие выстрелы гвардейцев ударились о шлем низкорослого богомольца, пронзили кирасу его одноглазого соратника. Развернувшись к ульнарам, чудотворец воззрился на них и, вызыв, ульнар рассыпался золотистым прахом. Второй же, бросившийся в сторону, увернулся от жестокого взгляда, высоко прыгнул, изворачиваясь и прижимая уши. Рука в жесткой перчатке схватила его, удерживая в воздухе и зверь распался в ней, рассыпался сияющим прахом. Два других уже обходили чудотворца со спины и одновременный их прыжок, завершившийся сверкающим распадом, вынудил его отвлечься, позволив Гинруману запрыгнуть на возвышение. Нарастающий гул, сотрясающий пещеру, отзывался золотистыми искрами перед взором его, но он предпочел не замечать его, сосредоточившись на единственном своем враге. Выдернув из притянутых к бедру ножен темный клинок, закаленный в крови армиолов, он налетел на чудотворца, пытаясь вонзить лезвие в его грудь, но тот легко перехватил удар, отклонил руку гатриана, толкнул его в левый бок, сбив с ног, причинив почти забытую уже испепеляющую боль.

Чудотворец рассмеялся, сделал шаг в сторону, оказавшись посредине платформы, в круглой, избавленной от рисунка пустоте, занимавшей сердцевину ее, встал, опустив руки, взирая на гатриана с торжествующей радостью, прикосновением к шлему опустил забрало, скрыв себя за текучим зеркалом.

Вскочив, Гинруман вновь набросился на чудотворца, повернувшегося к нему спиной. Обхватив левой рукой его шею, гатриан правой попытался вонзить клинок в грудь врага, но рука его была перехвачена и лезвие остановилось, лишь немного не добравшись до матовой гладкой ткани. Воздух в пещере становился все более плотным и тяжелым для дыхания, золотистые искры все чаще вспыхивали в нем, а неясные, почти неосязаемые вибрации, пробивавшиеся сквозь него, сотрясавшие надежды, раскалывавшие подозрения, отдавались острой болью в затылке гатриана. Существо, с которым столкнулся он, принадлежало к великим чудовищам. Близость с ним была мучением для Гатриана, вторгаясь электрическим страданием в каждую составляющую всей его двойственной плоти. Никогда не испытывавший подобного, но предупрежденный древними трактатами и учителями, он радовался встрече со столь удивительным существом, не задумываясь о его превосходстве или возможном поражении и лишь продолжая сражение как единственно возможное событие в той определенности мироздания.

Левой рукой чудотворец попытался ударить, сбросить с себя назойливого противника, но костюм делал его неуклюжим, лишал живой гибкости. Слова его, хрипящие и гулкие, оставались непонятными гатриану. Кружась, но не пересекая пределов пыльной пустоты, поклонник Создателя и соратник его, мало преуспел в избавлении от гатриана. Гул, окружавший их, превратился в мерцающее сотрясение и чудотворец остановился, замер, лишь удерживая клинок вдали от себя, опустив левую руку, позволяя себе расслабленную неподвижность. Гинруман успел различить печальный смех врага, а затем все вокруг потерялось в ослепительной золотистой тьме, переливающейся, состоящей из фигур, на знающих повторения, с равной страстью сочетающих в себе углы и округлости и в следующее мгновение гатриан задохнулся от иссушающего, мертвого холода.

Вокруг него ликовала в напряженной чистоте пустыня перемешавшихся серых и черных песчинок, поблескивавшая мерзлой платиной, ближе к горизонту изувеченная вытянутым, остростенным кратером, выставившим в бледном оскале свои тонкие клыки. Левую сторону занимала собой сияющая твердь, обнаженная, лишь в нескольких местах своих прикрытая протяжным облачным мороком, зеленоватыми язвами принявшая кровавые пятна олбонов, вонзавшая острия мысов в потемневшие от мертвых чудес океаны, вздымавшая к небесам горы, каких не было до Войны Заточения, возникшие на местах тех битв, в которых участвовали армиолы.

Сохраняя себя вне боли, осознавая все время потерянным и упущенным, Гинруман не позволял себе ни отчаяния, ни предчувствия гибели. Гатриан учили воспринимать все ощущения тела равными, не видя различий между наслаждением, болью и отсутствием их. Напряжение собственного тела могло быть для них удовольствием, мысль о Создателе была для них мучением и способность изменять свои ощущения позволяла им оставаться действующими и после получения смертельных ран. Необученный сражениям в условиях малой силы тяжести, он мало что смог бы сделать даже если бы мышцы его не разрывал всерадостный, первозданный холод и все же лезвие в его руке сближалось с грудью чудотворца, пребывавшего в бесчувственной неподвижности. За мгновение до того, как черное острие коснулось алой искрящейся ткани, Гинруман принял темноту как жестокую плоть. В припадке последней ярости, отвердевшей рукой стиснув жесткий воротник костюма своего врага, он вцепился зубами в его плечо, надеясь разорвать защитные одежды, неуверенный, что пребывание в открытом пространстве причинит вред чудотворному существу. Дернув плечом, оно скинуло с себя мертвого гатриана, поймало выскользнувший из его пальцев нож, взглянуло на лезвие, украшенное двадцатью сходящимися к черному кругу широкими стрелами, выпустило нож, медленно упавший, вращаясь, в принявшую, вобравшую его в себя пыль.

Осторожно опустившись на колени, черными пластинами на них продавив золотистый пепел, чудотворец смахнул его перчаткой, обнажая черную каменную твердь, всю в крошечных порах и трещинах, черными наконечниками пальцев прикоснулся к ней и замер. Лишь едва

различимое золотистое мерцание, узреть которое смог бы и человеческий взгляд пребывало в движении вокруг него, пульсируя, обтекая, обвиваясь, перетекая в узкий, извилистый, короткий разлом, заполняя его подобно едкой жидкости, дымно покачиваясь в нем, нехотя растворяясь, раздвигая края. Затем исчезло и оно и чудотворец повалился на колени, склонился, едва не падая, опустив голову. Солнце проплывало в забрале шлема оскорбленной мечтой, расплываясь по мерцающей его темноте. Семью яростными вспышками золотистое густое свечение, жидкое, плотное, жгучее, вырвалось из разлома, устремившись в сторону мира, а затем луна вновь стала тихой и мертвой. Только пылающее золотое свечение бредило над горизонтом, мерзлыми всполохами бросаясь через все небо. Когда подоспели гатрианы из числа лунного гарнизона, они обнаружили только пустотный костюм с метками участвовавшего в Войне Заточения Отряда Стрекоз, заполненный искрящимся золотым прахом.

4.

Альмидора, дочь Маснадара Медного, одного из богатейших купцов Камдара, слыла девушкой привлекательной и капризной. Было ей только шестнадцать лет, но счет отвергнутых женихов приближался уже к сотне и в списке том имелись и юноши знатных фамилий и богатые старцы, прибывавшие нередко из других городов, о которых мало кто слышал в тех благодарных краях, прознавшие о красавице из распространяемых бродячими торговцами слухов и фотографий. Последних имелось великое множество, ибо любила она проводить время возле моря в обществе пары служанок и десятка охранников – мирмиалов, один лишь вид чьих зубчатых жвал отталкивал любого, кто посмел бы приблизиться к ней. Нагая, бродила она по красному песку пляжей, проходила по ним колесом, вскидывая к небу мускулистые ноги, плескалась в волнах Зеленого моря, доступная для внимательных линз и серебристых пластин и оказывалась затем рядом с прочими чаровницами на услаждающих похотливые взоры листках, продающихся в каждой лавке любого из городских рынков. Иногда Маснадар просил своих слуг купить те снимки, желая посмотреть, хорошо ли вышла на них его дочь и полюбоваться ее грациозным телом. Заботило его только сохранение ею невинности, ибо в таком случае большего мог просить он у желающих ее тела. Раз в несколько месяцев прославленный доктор Карзиман был приглашаем для того, чтобы осмотреть девушку и убедиться как в здоровье ее, так и в девственности, что он с неизменным усердием подтверждал. Все отказы, произведенные Альмидорой, исходили от ее отца. Сама она была совершенно равнодушна к мужчинам, равно как и к женщинам. Больше всего нравились ей фрукты и сладости, цветы и птицы, коих в спальне ее имелось великое множество. Прослышав о некоей чудесной пернатой твари, могла она неделями приставать к отцу с требованиями достать ей неведомое создание и приходилось тому отправлять в далекие города караваны, единственной выгодой которых была дрожащая птичка длиной в мизинец, особенностью чьей были яйца кубической формы или удивительный цвет их или возможность питаться только заточенными в янтаре насекомыми. Каким бы привлекательным ни выглядел мужчина, Альмидора неизменно кривила губы, когда его представляли ей и желала как можно скорее вернуться в свои комнаты, где, в окружении крикливых птиц, одурманенная благоуханиями цветов, впивалась она в кожу фруктов, цены одного из которых достаточно было для иной семьи на месяц и, смеясь, когда сок тек по ее подбородку и груди, считала подобное времяпрепровождение лучшим из возможных. Все это вполне устраивало Маснадара, намеревавшегося выдать дочь за одного из правителей далекого города, в четвертый раз присылавшего своих представителей и увеличившего предложение в десять раз с момента начала переговоров.

Альмидора имела обыкновение спать обнаженной, на подушках и простынях, расшитых птицами и цветами, не боясь оставлять окно открытым и радуясь, когда пытавшихся забраться к ней воздыхателей перехватывали стражники, будь то люди или мирмиллоны. В ту ночь разбудил ее не шум или крики, но странное, волнующее, радостное предчувствие, как будто сооб-

пили ей о доставленной птице, каких осталось во всем мире лишь несколько штук или фруктов из садов, сметенных вскоре после сбора урожая песчаной бурей. Открыв глаза, она увидела комнату свою охваченной золотистым свечением, исходившим от бесчисленных пылинок, плавающих в воздухе, не сталкиваясь друг с другом, образующих узоры, не имеющие ничего похожего с предпочитаемыми людьми, родства не ведущие ни с буквами или иными знаками, ни с приятными глазу формами.

Мгновенно проснувшись, девушка приподнялась на руках, рассматривая удивительное явление, не чувствуя в нем угрозы или опасности для себя, полагая его пылью неизвестных ей цветов, ветром принесенной в ее спальню и размышляя о том, как могут выглядеть они. Светлые ее кудри, соприкасаясь с таинственным сиянием, вбирали его в себя, сладкий аромат, дурманный и обездвиживающий, был таким приятным и волнующим, что ноздри ее широко раскрывались, желая как можно больше пропустить его в легкие, а те до боли распирали ребра, вбирая в себя ставшее неожиданно столь приятным дыхание, полное пряного соблазна, мечтательного и безмятежного, предлагавшего в обмен на мгновение слабости вечность неукротимого блаженства.

Все теплее становилось в комнате. Альмидора почувствовала, как пот выступил на ее коже, а волнение превратилось в тягостное возбуждение, какое испытывала иногда она без всякой на то причины и успокаивать которое научили ее подруги с тем лишь отличием от их стараний, что никогда не думала она при этом о мужчинах. Соски ее груди, тяжелых даже для собственных ее рук, твердостью могли бы сравниться в то мгновение с птичьими клювами. В кончиках пальцев ее возникла дрожь увлеченной слабости. Поднимаясь все выше, она достигла локтей и вынудила голову девушки упасть обратно на подушку, поднявшись до колен, заставила их, обессиленных, разойтись. Сливаясь друг с другом, сплетаясь в игривом неистовстве хаоса, золотые крупинки образовали течения и водовороты, спиральные облака, соприкасавшиеся с нежностью стеклянных любовников, перетекавшие друг в друга, все более плотную создавая форму, неясное облако, сгустившееся над девушкой, парившее над ней, отбрасывающее на загорелую кожу ее пятна обжигающих бликов. А затем, в мгновение меньшее, чем взмах крыльев самой крошечной птички, менее различимое, чем появление из— под земли ростка, все то воздушное золото собралось в острое волнистого смерча и обрушилось на девушку, ткнулось в ее промежность, пробираясь в нее, исчезая в чудотворном чреве, а сама она выгнулась, раскинув руки и ноги, оскаленным растянувшимся ртом издавая хрипящий предсмертный стон, раскрыв слезящиеся глаза, сотрясая конечностями кровать от наслаждения, вобравшего в себя миллион самых огнестойких оргазмов. Не осталось в ее теле мышцы, избежавшей мучения воинственной той судорогой, а все жидкости сменились на золотую радость, пылающий восторг неизбывного удовольствия, достойного самих армиолов.

Потру она сочла случившееся сном, пусть и самым поразительным из увиденных ею, самым приятным из всех возможных и продолжила рисовать птиц, пересчитывать лепестки у цветов и мечтать о превращении в один из них. По прошествии месяца, когда кровь не вышла из нее, как полагалось, она обеспокоилась тем, ибо слышала, что может то быть признаком недуга и обратилась к отцу, а тот призвал доктора Карзimana.

Появившись в точно назначенное время, облаченный в обычный свой черный костюм со всеми знаками полагавшейся ему власти на груди, сопровождаемый слугой— амниотом, волочившим тяжелую кожаную сумку, он даже посреди полуденного зноя воплощал собой невозмутимость и чистоту.

Прославленному доктору, дважды спасавшему город от чумы, достаточно было получаса, чтобы прийти к заключению.

— Она беременна. — в кабинете ее отца, сжимая в потемневших от работы с растворами пальцах бокал с апельсиновым вином, он выбросил то, глядя в глаза Маснадара, не надеясь избежать его гнева.

Но купец словно давно уже ожидал подобного, как властитель, понимающий, что войску его не одолеть врага и все же высматривающий с городской стены гонца. Вздохнув, Маснадар закрыл глаза, провел тонкой рукой по гладкому бледному лбу, царапая кожу сдавившими пальцы серебряными перстнями.

– Как это возможно, если еще месяц назад она была девственницей? – взгляд купца воткнулся в Карзimana так, словно тот и был злодеем, обесчестившим юную красавицу.

– Она остается ею и сейчас.– доктор сделал глоток чуть горьковатого, но приятного от того еще больше вина. – Можете проверить это сами.

Маснадар покраснел и отвел взор от доктора.

– Вы понимаете, что это значит? – немало путешествовавший во времена своей юности Карзiman бывал в землях, где власть принадлежала богомольцам, присутствовал на празднествах их, наблюдал их обряды и потому мог определить божественное, когда сталкивался с ним. В железноликом Камдаре, откуда до ближайшей крепости гатриан был день пешего пути, не принято было упоминать Создателя иначе как в насмешку. Любое проявление божественного находилось под строжайшим запретом и подлежало немедленному уничтожению. Столь явное проявление чуда, стань оно известно за пределами этого дома, немедля привлекло бы к нему гатриан и не только девушка, но и все, кто был вхож сюда, оказались бы под подозрением, были бы арестованы и переправлены для допроса и обследования, после которых еще никто не возвращался.

– Может быть, извести плод?

– Не думаю, что нам удастся это сделать, если он имеет то происхождение, о котором мы думаем.– доктор скривился, как будто ему предложили совершить нечто не только незаконное, но еще и плохо оплачиваемое.

– Если я отправлю ее в другой город, куда— нибудь на север? – купец подался вперед, наклоняясь над столом, роняя капли пота на разбросанные по его черному дереву бумаги.

– Думаю, этого будет недостаточно. Так она сможет вернуться.– доктор задумчиво почесал маленький подбородок.– У меня есть рецепт зелья, которое, как утверждается, полностью отнимает память.

На то, чтобы получить все ингредиенты и изготовить зелье, у него ушел еще один месяц. Убедив девушку в превосходном здоровье, назвав причиной отсутствия крови волнения и взросление, доктор не появлялся у нее до того самого дня, когда в кожаной его сумке оказался флакон из толстого стекла, тонкий и длиной равный указательному пальцу девушки.

– Выпей это и с твоей месячной кровью все снова будет в порядке. – улыбаясь, он отдал ей как увядшую драгоценность, обесценившуюся и остывшую.

Радостно кивнув, ибо доктор всегда был ласков с ней и дарил маленькие, но приятные подарки, она выпила бокал с прозрачным пузырящимся напитком и почти сразу же заснула. Сон ее принадлежал к той разновидности, которая, замораживая верхние слои сознания, позволяет обратиться ко всему, лежащему под ними и доктор, будучи опытным гипнотизером, не преминул воспользоваться тем.

Девушка сидела на кровати, широко раскрытыми глазами взирая на него. Слова его были медленными, размеренными, спокойными, пробиравшимися глубже, чем любые другие, заглатывавшими живьем все прежние ее воспоминания и остававшимися на освободившихся местах, сворачивавшимися и устраивавшимися подобно тому, как делает то зверь, вернувшись в безопасную нору и готовясь к долгой тяжелой спячке. Тонкая ночная рубашка почти не скрывала тела девушки и, созерцая ее красоту, доктор испытывал только сожаление. Он надеялся остаться ее врачом и позднее, когда она уже познает мужчину, воспользоваться своим положением и способностями для незаметного наслаждения ею. Ничего не сохранилось бы в ее памяти, он знал это по другим своим пациенткам. Завершив очередную фразу, он замолчал, отложил в сторону листок с записями, облизнул тонкие губы и пересел на кровать, продавив ее

под собой, отчего девушка повалилась на него, безвольная и неподвижная. Слезящиеся глаза ее воззрились на потолок. Вытирая их своим носовым платком, доктор сокрушенно покачал головой. Не понимая, как и когда могла девушка сойтись с богомольцами, он признавал только подобную связь способной проявить имевшееся перед ним чудо. Среди книг, распространяемых почитателями Создателя, запретных в Камдаре, но во множестве населявших библиотеку доктора, имелись и сказания, повествовавшие о чудесных зачатиях, совершаемых посредством божественной воли. Говорили, что семя армиолов способно оплодотворить женщину оказавшись на ее коже в любом месте тела, но, осведомленный о происхождении и физиологии гатриан, доктор имел основания сомневаться в том. Наиболее вероятным полагал он попавшее к девушке от богомольцев вещество, сделавшее ее уязвимой для божественного влияния, нуждавшегося в поклонниках и солдатах больше всех прочих, ибо было общепризнанным превосходство армиолов в продолжающейся тысячи лет войне, Создатель готов был на любые ухищрения для производства покорных ему, включая и способы, почитаемые откровенно чудесными.

Маснадар едва ли стал бы сожалеть о дочери. В этом городе считалось, что девочка представляет собой только обременение для семьи. Утерянные возможности, каковыми мог стать ее брак, также значили для него немного, ничуть не больше любой утерянной выгоды, пропавшего каравана или затонувшего корабля. У купца было шестеро сыновей и когда второй из них на два года пропал, оказавшись в варварском плену, горе отца, получившему ошибочные известия о гибели сына, было сокрушающе громким, равно как и радость, когда юношу удалось выкупить и он вернулся в родной дом.

Устроив голову девушки на своих коленях, доктор продолжал сеанс, поглаживая ее грудь, лаская указательным пальцем напрягшийся сосок, медленно опуская руку все ниже. Голос его оставался при этом уверенным и монотонным, каким обитатели океанских глубин могли бы убаюкивать прозрачных детенышей своих. Приподняв край девичьей сорочки, доктор обнаружил под ней неосторожную наготу, придавшую ему смелости. Не опасаясь беспокойства, ибо Маснадар наказал никому не появляться в этой части дома, пока доктор не закончит осматривать Альмидору, он поднял прозрачную ткань выше, обнажая прикрытый светлыми волосами лобок, положил на него руку, отчего его отражение в глазах девушки вздрогнуло. Все же не нашлось в ней сил, способных пробиться сквозь действие тщательно приготовленного и проверенного средства, прорваться через пристальный взор старого падальщика и растворяющие облака речи его. Не прекращая шепота, вталкивавшего в воспоминания девушки то, чем она никогда не была, совершавшего чудо изменения прошлого, доктор осторожно скользнул мягкими пальцами под жесткие волосы, нащупал волнуемую твердость и сжал ее, вызвал прошедшую по всему телу девушки судорогу. Злорадно ухмыльнувшись, как мог бы сделать то палач, обнаруживший говорливую слабость в своей жертве, доктор принялся за привычное дело. Пальцы его сдавливали, крутили, царапали, прижимали, наслаждаясь волнами напряжения и слабости, проходившими через лежавшее на его коленях тело и когда все оно затряслось, изгибаясь, но сохраняя неподвижными и незрячими испуганные, затопившие себя темнотой зрачка глаза, он и сам едва не изверг семя из восторженной своей плоти. Довольный собой, доктор опустил веки, восхищаясь непризнанной тьмой и палец его пробрался во влажные глубины, наткнулся на прочную преграду, еще раз убеждаясь в ее чудесном наличии. Сомнений в беременности у него не было. Имея в своем распоряжении перистых ящериц из Оранжевых лесов, он мог с точностью определить наличие ребенка в утробе женщины, ибо твари те умирали, стоило им попробовать крови вынашивающей дитя. Способ тот, описанный еще великим Зальмином Беззубым, первым, проводившим хирургическую операцию, оставался несколько тысячами лет и ни разу не привел к ошибке. Вытянув плотно сжатый девственницей палец, доктор облизнул его, добавил к нему второй, снова вторгся в тело девушки, но на сей раз был столь настойчив, что губы ее, вздрогнув, приоткрылись и нечто, желавшее быть стоном, но нашедшее в себе силы лишь для того, чтобы показаться растерянным хрипом, прорвалось между ними.

Пальцы доктора коснулись натужной плевы, попытались пробиться сквозь нее, не обретя в том успеха, отступили, ударились в нее острыми ногтями, повторили то снова, выждали, нанесли новый удар, проявили настойчивость в давлении, испытывая все новые и новые способы разрушения. Каждый раз она вздрагивала, пальцы рук и ног ее сжимались, дыхание вырывалось с резким усердием, но ничем иным не выказывала она сопротивления. Когда же, после продолжавшегося несколько секунд усилия, она, наконец, поддалась чужой настойчивости и пальцы доктора проскользнули глубже, чем раньше, сам он вздрогнул и, склонившись над девушкой, затрепетал, левой рукой сжимая ее грудь, радуясь тому, что предусмотрительно выбрал плотное белье и брюки из темной кожи.

Подняв к глазам окровавленные пальцы, он рассмотрел их со смеющимся восторгом, находя в высыхающих пятнах узоры, схожие со цветами и насекомыми.

Откинув за ухо выбившуюся из прически черную прядь, доктор продолжил свой уверенный речетатив и по прошествии получаса завершил процедуру.

На следующий день Альмидора, в сопровождении доктора и одного из наемников ее отца прибыла на станцию, уверенная в завершении своей хорошо оплаченной службы у Маснадара. Последнее подтверждалось имевшимися в ее сумочке расписками, по которым она могла получить в любом из городов Золотого Полумесяца сумму достаточную для приобретения городского жилья или нескольких лет праздного существования.

Ее расшитое золотом и кружевной синевой платье с длинной пышной юбкой и почти закрывающими пальцы рукавами, натянувшееся на груди белой полосой, сдавившее ее плотным корсажем, соответствовало моде приливного Налбона, единственного порта Полумесяца, с которым Маснадар не имел дела, недовольный высокими его сборами. Доктор же, на протяжении нескольких лет имевший практику в том городе, сохранил связь с некоторыми из коллег, чье дружелюбие обуславливалось совместным глубокомысленным молчанием и потому, порекомендовав Альмидоре, именовавшейся теперь Ганнолой, в случае необходимости обратиться к одному из них, был уверен в получении подробнейшего отчета обо всем происходящем с девушкой. Подумывал Карзиман и о возможности, по прошествии некоторого времени, самому навестить славящийся своими заливами город. Но не раньше, чем через полтора года, когда ребенок уже или умрет, или будет достаточно взрослым и никак не помешает ему.

Шляпка с широкими полями, обвисшими под тяжестью черной вуали, скрывала в узорчатой тени лицо девушки, оставляя видимыми только улыбающиеся в предвкушении приятного возвращения, смягченные яркой синей помадой губы.

Транспортная машина возвышалась над ними зеленовато—серой полосатой тушей, угловатой, облепленной наростами орудийных башен. Неровные пластины ее корпуса, оставлявшие между собой прорехи, в которые смогла бы протиснуться ладонь, множество впитавшие заплат и пятен свежей краски, давно уже забыли о ровности, сменив ее на скопление вмятин и выбоин. Некоторые пробоины так и остались незаделанными, источаемые машиной красноватые дымы горьким зловонием пробирались в дыхание, намереваясь навсегда остаться в нем печальным привкусом, а сама она производила впечатление старой и ненадежной, как и все в эти дни повсюду в этом безбожном мире.

Усмехнувшись своим упадническим мыслям, Карзиман сильнее сжал в своей перчатке пальцы девушки, обращая ее внимание на себя, вновь напоминая ей сразу же по приезде обратиться к упомянутому им знакомому. Наемник, выглядевший несколько настораживающе в черном своем костюме, озирался по сторонам, обеспокоенный происходившей вокруг суетой. Доктор часто встречал этого мужчину в доме купца и знал, что именно ему, в прошлом солдату гатрианской гвардии, сражавшемуся с богомольцами в прославленной самими армиями битве при Пике Восторга, Маснадар доверяет едва ли не больше, чем своим сыновьям. Имелось нечто в их прошлом, интриговавшее доктора и позволявшее ту возмутительную доверительность.

Станция, устроившаяся посреди круглой площади, окруженной низкорослыми старыми строениями, отдавшими магазинам, кафе и гостиницам, могла одновременно принять только три машины, но подобных ей во всем городе имелось больше десятка и отправление транспортов происходило в одно и то же время, позволяя им сбиться в массивный караван, способный и сам по себе оказать достойный отпор, но охраняемый при этом либо наемными солдатами, или же, если случалось им двигаться в том же направлении, гвардейскими патрулями. Маснадар любил рассказывать, как однажды к каравану, с которым он путешествовал, присоединился и один из гатриан с изрядно потрепанной стаей ульнаров, возвращавшийся в крепость.

Создавая упоительный беспорядок, вокруг машин металась техника в грязных кожаных одеждах, волочившие тяжелые инструменты, обмотанные веревками, трубками, проводами, кричавшие друг другу требования и пояснения, без стеснения осматривавшие проходивших мимо них женщин. Служащие в черной униформе грузили в багажное отделение сумки и тюки. Прислонившись к колесу машины, закинув оружие за спину, курили, посмеиваясь солдаты, закатавшие выше локтя песочного цвета рубашки. Пассажиры толпились возле деревянного трапа, взволнованно обмениваясь последними наставлениями и пожеланиями, поглядывая на квадратные часы, желтыми потеками затопившие самые возлюбленные ими цифры.

Доктор вполне понимал беспокойство светловолосого наемника. Ему и самому был неприятен происходивший на станции хаос. Предпочтительными находил он тихую прохладу своего кабинета, уютную сладость спальни, украшенной очередной юной красавицей, соблазненной упрямой настойчивостью доктора, напряженный трепет операционной, скептические предвкушения лаборатории. Рожденный в маленьком северном городке, вздымавшим над балконообильными домиками потрепанное величие тысячелетней церкви, он испытывал к богомольцам все то же брезгливое презрение, каким в подростковом возрасте отзывались его любознательные мечты на условности и запреты, приведшие к скоропалительному бегству. Время не смягчило те чувства и, глядя по ночам на благословенную луну, Карзиман до дрожи в пальцах желал гибели заточенному в ней, надеялся на успех армиолов, о неустанной работе которых над проблемой уничтожения Создателя, величайшей интеллектуальной задачей мироздания, был наслышан от сталкивавшихся с гатрианами коллег. Как физиологу, ему были чрезвычайно интересны гатрианы и их боевые животные. Созданные иной волей, по иным законам и другими способами, не имевшие за собой миллиардов лет планомерного изменения, во многом превосходившие все, помещенное в этот мир Создателем, они привлекали его уже в силу необычности своей. Собрав все доступные сведения, едва заполнившие собой сотню страниц, он пришел к выводу, что не узнал почти ничего. Естественная скрытность гатриан, не желавших делать известными все способности свои и особенности их тел, выдававшие вместе с тем и уязвимости, усугублялась начавшимися едва ли не с первых дней Великой Войны безуспешными попытками богомольцев создать аналогичных существ. Выпущенные ими подобия ульнаров, называемые в книгах терлонами, оказались не только способными к размножению самцами, в отличие от бесплодных хищников гатриан, но проявили и присущую им возможность оплодотворения самок любого вида млекопитающих и некоторых рептилий, приведя к появлению в западных джунглях угрожающего количества самых немислимых тварей. Рассматривая фотографии терлонов, за убийство которых в тех краях правители назначали немалую награду, Карзиман поражался их непредсказуемому разнообразию, сожалея о невозможности для него увидеть тех тварей воочию или получить их для изучения. Одной из причин, позволявших ему не сомневаться в его появлении по истечении года Налбоне, любящем паруса больше, чем юбки, было, помимо соития с Альмидорой, которому не помешала бы теперь мстительная бдительность ее отца, желание увидеть ее ребенка, если окажется он способным прожить так долго. В памяти девушки было скрыто послание для ожидавшего ее в другом городе доктора, вызываемое к речи посредством определенного набора слов, рассказывающее о происшедшем, предупреждающее и вызывающее к величайшим осторожности и вниманию. Несмотря на опас-

ность, происходящее увлекало и занимало Карзimana. Изучив свою библиотеку, он прочитал все имевшееся в ней о случаях божественного зачатия. Речь шла о документированных событиях, которых в его книгах упоминалось только три за пять тысяч лет. Богомолцы могли бы рассказать ему о большем количестве чудесных оплодотворений, но доверять их рассказам у него не было никаких оснований. Все три происшествия были подробно описаны, а последнее, имевшее место два с половиной столетия назад, было даже снабжено несколькими нечеткими черно— белыми фотографиями. Уродливое бледное существо, нечеловечески длинное, согнувшее маленькие ножки, пеной скрывшее широкой рот на вытянутой крошечной голове, лежавшее на залитой темной жидкостью простыне, менее всего напоминало человеческого младенца, большее сходство имея с терлонами или с теми чудовищами, какие нередко появлялись на зараженных божественными спорами территориях. Существо умерло на третий день после рождения и причиной того виделось не только общее угасание божественной воли, ни и место его появления на свет, южный город, уже несколько веков как полностью очищенным от боголюбивой скверны. Вытянутое тело создания, как утверждали протоколы вскрытия, снабжено было позвоночником более гибким, чем свойственный человеку. Внутренние органы также представляли собой нечто отличное от привычных. С трудом угадывались среди них образования, призванные исполнять функции сердца, печени и почек. Более определимы были подобия легких, получившие близкую к кубической форму и совершенно неясными остались функции многих других форм. В маленькой голове обнаружился разделенный на три части мозг, кошачьи глаза прятались под широкими надбровными дугами, ногам досталось только три пальца, отсутствовали соски, а половой член обладал пугающими размерами. С самого момента рождения и до смерти существо не замолкало, произнося нечто, казавшееся всем присутствующим проклятиями и оскорблениями на языке, которого не смог распознать даже наблюдавший за тварью гатриан.

Раздался тройной удар колокола и служащие станции засуетились. Отбросив сигареты, едва не попав одной из них в брюки доктора, солдаты забежали в транспорт по грузовому трапу. Громко призывал пассажиров занимать свои места проверявший билеты однорукий мужчина. Расцеловав доктора, отчего его член напрягся в предвкушении, Альмидора смущенно кивнула наемнику, пожала его руку и, поднявшись по узкой лесенке, скрылась в чреве не имевшей окон машины. Проследив за ней, доктор отступил к прикрытым решетками стеклам касс, прочь с путей пассажиров и провожающих. Только когда все двери транспорта закрылись и, взыв выбивающими ревом своим камни из брусчатки двигателями, машина медленно покати-лась по площади, следуя за двумя подобиями своими к выходу из нее, обозначенному началом широкого проспекта, доктор позволил себе вздохнуть с расстроенным облегчением. Отклавшись перед наемником, он взмахом руки подозвал экипаж и отправился домой, где ждали его доставленные наемными насекомыми вулканических островов, требовавшие внимательного рассмотрения, обещавшие многие часы наслаждений, проведенных в обществе увеличительного стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.